

Допустимые потери

Автор:

[Ирвин Шоу](#)

Допустимые потери

Ирвин Шоу

Эксклюзивная классика (АСТ)

В квартире литературного агента Роджера Деймона снова и снова раздаётся телефонный звонок – звонит таинственный шантажист по фамилии Заловски, угрожая Деймону смертью. Кто же этот шантажист? За что хочет его убить? Кажется бы, Деймон – обычный человек, не совершивший в жизни ничего плохого. Таким, как он, не звонят с угрозами.

Деймон погружается в воспоминания, перебирая в голове все события своей жизни, – и понимает, что список людей, кому он перешел дорогу, причинил боль, набирается не такой уж и маленький. Все эти люди из-за его действий понесли в жизни потери – потери, которые по молодости он считал допустимыми. Но так ли это?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Ирвин Шоу

Допустимые потери

Irwin Shaw

Acceptable Losses

© Irwin Shaw, 1982

© Перевод. Г.Б. Косов, наследники, 2020

© Издание на русском языке AST

Publishers, 2020

* * *

Посвящается Чарльзу Такеру

«Сэр, – произнес Адъютант, обращаясь к Командующему, – Джи-1, Джи-2, Джи-3 и Джи-4 едины во мнении, что, с учетом допустимых потерь, шансы на успех операции составляют 85 процентов».

* * *

В этом и других боевых вылетах мы потеряли сорок четыре самолета.

* * *

Согласно вчерашнему прогнозу Национального совета безопасности движения, за праздничный уик-энд произойдет пятьсот пятьдесят восемь дорожно-транспортных происшествий со смертельными исходами.

Глава 1

Когда в спальне зазвонил телефон, Деймон видел очень приятный сон. Он, еще совсем малыш, вцепившись в руку отца, шагал солнечным осенним днем на стадион Йельского университета в Нью-Хейвене, чтобы первый раз в жизни посмотреть футбол.

- Шейла, - пробормотал он, - возьми трубку, пожалуйста...

Аппарат располагался на тумбочке рядом с кроватью на стороне жены. Однако, вспомнив, что ее нет дома, Деймон застонал и с трудом потянулся через всю постель. Светящиеся стрелки маленьких часов на тумбочке показывали половину четвертого. Издав еще один стон, он не глядя нащупал трубку и поднес ее к уху.

- Деймон, - прозвучал чей-то незнакомый грубый и хриплый голос.

- Да?

- Мистер Деймон, - сказали в трубку, - я услышал хорошую новость и захотел поздравить вас одним из первых.

- Что? - переспросил Деймон, едва ворочая языком в полудреме. - Кто говорит? Какая новость?

- Все в свое время, Деймон. Я, как и многие другие, читаю газеты, и то, что узнал о вас, позволило мне заключить, что вы принадлежите к числу тех милых людей, которые всегда готовы поделиться с другими своей удачей - разделить ее с ближними, фигурально выражаясь.

- Сейчас половина четвертого - вы хоть соображаете, что делаете? Ради всего святого...

- Завтра воскресенье. Вот я и решил, что вы дома веселитесь с друзьями. Субботняя ночь и все такое. Подумал, что вы и меня, может, на выпивку пригласите...

– Заканчивайте, мистер, – устало произнес Деймон, – и дайте мне выспаться.

– Чтобы выспаться, у тебя есть еще куча времени. Ты оказался скверным мальчишкой, Роджер, и поэтому тебе для меня придется кое-что сделать. – Последние слова были произнесены с натужной игривостью.

– Что? – Деймон растерянно потряс головой, спрашивая себя, не видит ли он очередной сон. – О чем, дьявол вас побери, вы толкуете?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я толкую, Роджер. – Тон голоса из игривого превратился в угрожающий. – С тобой говорит Заловски. Из Чикаго.

– Не знаю я никакого Заловски. А в Чикаго не был уже много лет. – Деймон позволил просыпающемуся гневу прорваться. – Вы воображаете, черт побери, что делаете? Звоните посреди ночи... Я вешаю трубку...

– Не советую бросать трубку, Роджер, – сказал человек. – Мне необходимо с тобой поговорить.

– А у меня нет никакой потребности беседовать с вами. Спокойной ночи, сэр. Я прекращаю разговор.

– Как грустно быть свидетелем поступков, о которых кое-кто впоследствии пожалеет. А ты очень пожалеешь, Роджер. Как раз таким роковым шагом может стать и то, что ты не хочешь побеседовать с Заловски. Я желаю поговорить с тобой. Я настаиваю, чтобы это произошло немедленно.

– Но я не в Чикаго. Или вы, может быть, не заметили этого, набирая мой номер? – Окончательно проснувшись, он хотел как можно больнее задеть этого человека – хотя бы по телефону. – Кто вы? Один из телефонных хулиганов?

Затем ему пришло в голову, что этот придурок может оказаться одним из его приятелей, который надрался на вечеринке или в баре и теперь решил пошутить. Профессиональное занятие Деймона привело к тому, что в числе его приятелей появилось несколько весьма странных типов.

– Хорошо, хорошо, – произнес он уже спокойнее. – Что вы можете мне сообщить такого, чтобы я прислушался к вашей просьбе?

– Я вовсе не должен перед тобой оправдываться. К твоему сведению, мистер, боссом здесь выступаю я. И нахожусь я не в Чикаго, а всего в двух кварталах от тебя. Так что вылезай из своего теплого гнездышка, накинь на себя какую-нибудь одежку и выходи на свой угол... минут через десять. Тебе хватит времени, чтобы почистить зубы и причесаться... – Человек хохотнул, но смешок этот, скорее, напоминал злобный лай.

– Я не понимаю, чего вы добиваетесь, мистер Заловски, – произнес Деймон. – Но даже если у вас есть общие дела с человеком по фамилии Деймон, то сейчас вы говорите не с тем Деймоном. Вы уверены, что не ошиблись, звоня среди ночи, и...

– Заловски не имеет привычки ошибаться. Я говорю с тем самым Роджером Деймоном, и ты это прекрасно знаешь. Поэтому тебе следует встретиться со мной через десять минут. В противном случае... – Человек откашлялся. – ...Могут возникнуть последствия, Роджер, которые тебе не понравятся, очень не понравятся...

– А шел бы ты!.. – бросил Деймон.

– Давай обойдемся без грубостей, Роджер, – сказал Заловски. – И прежде чем ты бросишь трубку, послушай мое последнее предостережение. Это – вопрос жизни и смерти. Твоей жизни и твоей смерти, Роджер.

– Имел я тебя... – ответил Деймон. – Ты, похоже, насмотрелся гангстерских фильмов.

– Ты предупрежден, Роджер. Имей в виду, я могу больше и не позвонить...

Деймон со стуком швырнул трубку на рычаг, оборвав омерзительный хриплый голос.

Разговаривая по телефону, он лежал на животе поперек кровати. Бросив трубку, Деймон резко повернулся на спину и сел. О том, чтобы попытаться снова

заснуть, не могло быть и речи. Он провел руками по волосам, а затем потер глаза. Руки тряслись, и из-за этого Деймон страшно на себя злился. Хорошо еще, что жена решила провести этот уик-энд в Вермонте у матушки. Звонок ее испугал бы, а потом и рассердил. Она учинила бы ему многочасовой допрос с пристрастием, пытаясь выяснить, что он сотворил такого, что ему начали звонить с угрозами в половине четвертого ночи. В конечном итоге допрос перерос бы в одну из их редких семейных ссор, в которых она пускает в ход такие клише, как: «твои хорошо известные склонности» и «с твоим прошлым». По своей природе Шейла была женщиной спокойной, но терпеть не могла никаких тайн. В тех случаях, когда ей приходилось за него волноваться или когда чудилось, что супруг, ограждая ее от ненужных проблем, что-то скрывает, Шейла становилась вздорной бабой, способной на оскорбление. Может быть, разумнее вообще не говорить ей о звонке, подумал Деймон. До ее возвращения он изобретет предлог, чтобы поменяться с ней местами на кровати. В таком случае на телефонные звонки придется отвечать ему. Правда, это тоже вызовет у Шейлы подозрения, так как ей хорошо известна ненависть мужа к телефонным разговорам. Шейла была его второй женой. С первой он прожил меньше года и успел развестись еще до того, как ему стукнуло двадцать четыре. Вторично он женился в возрасте сорока лет, и вот уже более двух десятилетий – ровно столько продолжался их брак – Шейла измышляла (а если быть честным, то отчасти она была права) картины той мерзкой жизни, которую он вел до их встречи. Она была на пятнадцать лет моложе его, и по логике вещей ревновать следовало ему. Но разве можно искать какую-либо логику в браке?

Вероятно, это была одна из тех шалостей, которыми так любят забавляться подростки, подумал Деймон. Набрав наугад номер из справочника, они делают непристойные предложения или произносят немыслимые угрозы. А за их спиной хихикают приятели. Но голос его собеседника был не детским, и хихиканья в трубке он не уловил. Как бы то ни было, но Шейле он ничего рассказывать не станет. Этот тип сказал, что может вообще больше не позвонить. До тех пор, пока не раздастся следующий звонок, в семье будет царить мир. Оставалось лишь надеяться, что жене понравится в Вермонте и она вернется в хорошем расположении духа.

Тем временем... Тем временем что?

Он вздохнул и зажег свет. В спальне было холодно, и Деймон накинул на себя шерстяной халат, тут же припомнив произнесенные язвительным тоном слова о «теплом гнездышке». Он побрел в гостиную. Там было темно. Несмотря на то

что недавно ему удалось заработать кое-какие деньги, привычка к экономной жизни сохранилась. Деймон включил все лампы. Гостиная выглядела уютной, хотя мебель была немного потертой. Все вокруг завалено книгами. Они жили на верхнем этаже особняка, превращенного ныне в муниципальный жилой дом с умеренной квартплатой, и все комнаты в их квартире были небольшими. Жена постоянно донимала Деймона, требуя избавиться хотя бы от части книг. Он со своей стороны исправно обещал ей сделать это, но книги каким-то непостижимым образом продолжали множиться.

Несмотря на теплый халат, Деймон не мог согреться, и его била легкая дрожь. Ноги у него слегка задеревенели, и передвигался он с некоторым трудом. Ему уже перевалило за шестьдесят, он был крепко скроен. Его физиономия обветрилась, как у человека, который много времени проводит на свежем воздухе. Ежедневно – при любой погоде – он совершал двухмильные прогулки от дома до офиса и обратно с непокрытой головой. А во время отпуска он один ходил в горы. Тем не менее ноги согрелись только через полчаса после того, как он выбрался из постели.

Достав с нижней полки одного из книжных шкафов телефонную книгу Манхэттена, он положил ее на стол под лампой. Деймон гордился тем, что, пользуясь очками для чтения, мог и без их помощи разбирать буквы и цифры в телефонном справочнике – при хорошем освещении, естественно.

Он открыл книгу на букву «Д» и нашел свою фамилию и адрес: Деймон, Роджер, Десятая Западная улица. Единственный Роджер Деймон, обитающий на Манхэттене. Правда, его можно было найти в справочнике и в другом месте, под другой буквой: «Грей, Деймон и Габриельсен, Литературное агентство». Грей основал фирму и пригласил Деймона в партнеры, когда тому еще не исполнилось и тридцати. Грей умер много лет назад, но, храня верность старику, Деймон не стал менять название агентства. Верность прошлому имеет свои достоинства – особенно в наше время. Фамилия Габриельсена появилась в названии агентства недавно, и произошло это благодаря весьма специфическим обстоятельствам.

Деймон закрыл справочник и вернул его на полку. Ко времени возвращения Шейлы не должно остаться никаких улик. Чтобы рассказать ей о том, что случилось, он подождет подходящего момента, если для этого вообще может быть подходящий момент.

Он отмерил себе приличную порцию виски с содовой, налив из бутылки со стола у стены, и неторопливо смаковал спиртное, глубоко погружившись в любимое кресло. Выпивка, однако, не помогла ему разгадать то, что произошло в половине четвертого. Вообще-то в Нью-Йорке полным-полно психов. И не только в Нью-Йорке. В Америке. Во всем мире. По улицам городов рыщут убийцы. Их жертвами становятся президенты, священники, люди, ждущие поездов на железнодорожных платформах, обыватели, выходящие из церковных врат или дверей универмагов. «Жизнь и смерть, – сказал этот тип. – Твоя жизнь и твоя смерть».

Если это не розыгрыш, то где-то его поджидает незнакомец (а может быть, он его знает) с целью причинить вред. Сейчас у него нет сил строить догадки о том, кто этот человек и почему он его преследует.

Ночные мысли.

Деймона начала бить дрожь, и он вернулся в спальню, чтобы попытаться уснуть. Свет в гостиной остался включенным.

Глава 2

Деймон проснулся от колокольного звона. Перед этим он видел сон. И снова там был его отец – на сей раз один. Он весь светился. И этот свет шел от его улыбающегося, исполненного любви лица. Во сне он остался молодым, таким, каким был в то время, когда Деймону еще не исполнилось и десяти, и совсем не походил на худого, изможденного человека, которым стал ближе к кончине. Отец стоял, прислонившись к мраморной резной балюстраде, и кого-то манил рукой. В другой руке он держал маленькую пеструю лошадку. В жизни отец занимался тем, что мастерил детские игрушки, безделушки и всякие пустяковины вроде брелоков. Со времени его смерти прошло двадцать лет.

Звонил на сей раз не телефон. Церковные колокола. Воскресное утро. Колокола призывают Нью-Йорк вознести молитвы.

Придите все вы, верующие великого города, – придите прелюбодеи и клятвопреступники, шантажисты и биржевые жучки, пьяницы и наркоманы, грабители и убийцы, побирушки и психи из дискотек, любители бегать трусцой и профессиональные марафонцы. Приходите и вы, тюремные надзиратели, так же как и те, кто карабкается на самый верх или безостановочно катится вниз. Одним словом, приходите как истинно верующие, так и исповедующие ложную веру, чтобы преклонить колена перед Богом, который создал вас по Своему образу и подобию. Последнее, впрочем, вовсе не обязательно.

Деймон заворочался в постели. Из-за отсутствия рядом Шейлы он чувствовал себя несколько странно. Вспомнив о ночном звонке, посмотрел на часы. Девять. Обычно к семи утра он уже был на ногах. Природа оказалась к нему милостивой, одарив сном с четырех до девяти. Пять часов забвения. Воскресный дар.

Деймон рывком поднялся с постели, но вместо того чтобы отправиться в ванную, почистить зубы и принять душ, он босиком затопал в гостиную. Все лампы продолжали сиять. Деймон прошествовал к входной двери взглянуть, не валяется ли рядом с ней на полу конверт или какое-либо иное послание. Ничего.

Он внимательно изучил дверной замок. Хилое, простое устройство. Его без труда при помощи перочинного ножа мог открыть даже ребенок. За все годы жизни в Нью-Йорке Деймона не обворовывали, и он никогда не задумывался о замках. Дверь была деревянной и очень старой. Ее навесили еще во время строительства дома. Когда это было? В 1900-м? 1890-м? Ее давно следовало бы заменить новой – со стальной обшивкой, надежным замком, глазком и цепочкой. Консьержа внизу не было, и все обитатели дома, включая Шейлу и его самого, безмятежно нажимали открывающую нижний замок кнопку, как только в квартире звучал сигнал. Переговорное устройство, по которому можно было узнать, кто пришел, сломалось много лет назад. Насколько знал Деймон, ни один из его соседей жалоб по этому поводу не высказывал и не требовал, чтобы домофон привели в порядок. Невинные, испытывающие чувство ложной безопасности души. Их вечный девиз – «Завтра...».

Затем Деймон приготовил себе завтрак. Когда Шейла по воскресеньям бывала дома, она потчевала его отжатым из свежих апельсинов соком, оладьями под кленовым сиропом и беконом. На сей раз ему пришлось ограничиться чашкой кофе и ломтем вчерашнего хлеба.

Его обычный воскресный ритуал был несколько иным. Пока Шейла готовила завтрак, он выходил из дома, чтобы купить два экземпляра воскресного выпуска «Таймс». Две газеты покупались потому, что как он, так и Шейла любили решать большой воскресный кроссворд, не мешая друг другу. Супруги проводили утро, расположившись на противоположных концах кухонного стола и заполняя в дружелюбном молчании клеточки головоломки. Для них было делом чести вписывать слова сразу чернилами, не допуская помарок. Покупка двух толстенных пачек бумаги, напичканных новостями, мнениями, спортивными результатами, рекламой, похвалами и хулой, выглядела несколько экстравагантно. Однако почему не порадовать себя и не провести приятно час или даже чуть больше после воскресного завтрака?

Деймон оделся и спустился вниз по плохо освещенной лестнице. Похоже, что все его соседи любят поспать. «Интересно, кому-нибудь из них звонили посреди ночи?» – подумал он. В почтовом ящике ни писем, ни записок тоже не оказалось.

Ощупав карманы и убедившись, что ключи на месте и он сможет вернуться домой, Деймон вышел на улицу. От подъезда к тротуару вели несколько ступеней. Дул холодный порывистый ветер. День был промозглым и серым. Весна в этом году запаздывала. Деймон внимательно посмотрел по сторонам. В это воскресное утро машин почти не было, поблизости он увидел только полную даму с парой крошечных собачек и молодого человека, толкавшего перед собой детскую коляску. Никакой опасности для себя Деймон не узрел. Но лишь опытный взгляд способен сразу обнаружить зловещие приметы, напомнил себе он, и скривился, внезапно разозлившись, что стал таким подозрительным.

Перед киоском он немного потоптался в раздумье, не зная, сколько экземпляров купить – один или два. В конце концов Деймон взял два, испытывая при этом раздражение из-за объема и веса воскресного издания. Сомнительно, что Шейла сможет раздобыть в Вермонте воскресный выпуск «Таймс». Жена будет благодарна ему за то, что он думал о ней и запасся воскресным кроссвордом, хотя и знал, что у нее не будет времени на его заполнение. Он бросил взгляд на первую полосу. Имени Заловски на ней не оказалось. Не исключено, что это вообще вымышленное имя. Возможно, на самом деле он Смит или Браун, а Заловски всего лишь боевой псевдоним – маска, так сказать, – и на внутренних полосах газеты окажется статья, описывающая множество совершенных им ужасных преступлений, за которые его разыскивает полиция десяти штатов. Хотя выбор такого псевдонима, как Заловски, какое бы преступление или акт мести этот человек ни замышлял, даже Деймону показался чрезмерно

хитроумной затеей. Эта мысль заставила его улыбнуться.

По дороге домой он уже взирал на прохожих без всякого подозрения. Утро постепенно начинало следовать обычному воскресному образцу, а когда облака на время разошлись и показались лучи солнца, Деймон, подходя к дому, вдруг обнаружил, что напевает какую-то приятную мелодию. Но, усевшись за кроссворд, он с трудом смог угадать лишь несколько слов. Или кроссворд был сложнее, чем обычно, или его ум был занят чем-то иным. Отбросив в сторону журнальное приложение, Деймон открыл секцию книжного обозрения на той странице, где публиковался перечень бестселлеров. «Надгробная песнь» Женевиэвы Долгер стояла в списке под четвертым номером. Несмотря на название, книга оставалась в числе бестселлеров вот уже двенадцатую неделю. Деймон удрученно покачал головой, вспомнив, что лишь по настоянию Оливера Габриельсена он согласился работать с автором и попытаться продать опус. Из-за этого опуса они с Оливером едва не переругались окончательно.

Оливер Габриельсен был помощником Деймона и работал в агентстве пятнадцать лет. Читая все подряд, он обладал прекрасной памятью и тонким, хотя, может быть, несколько эксцентричным умом, который позволял ему разглядеть необычный материал. Оливер повстречал миссис Долгер на какой-то вечеринке неподалеку от Рослина на Лонг-Айленде. Одним словом, совсем не там, где обычно набредают на бестселлеры. Автором оказалась пятидесятилетняя дама, муж которой служил вице-президентом небольшого банка. У нее было четверо детей, раньше она ничего не писала и, как казалось Деймону, принялась за роман, утомившись от однообразного существования матроны из нью-йоркского пригорода. Роман являл собой бесхитростную фантазию о бедной девушке, сумевшей проложить путь наверх с помощью своей красоты, своего тела и тяги к мужчинам. В финале повествования героиню ожидал трагический конец. Это был древнейший из всех сюжетов, и Деймон не мог понять, почему Оливер так ухватился за роман. Их вкусы почти всегда совпадали, но когда Оливер сказал: «Деньги. Из этой книженции они так и прут. Давай для разнообразия отхватим и себе кусочек от большого пирога», – Деймон скептически покачал головой и произнес: «Оливер, сынок, боюсь, ты надорвался на работе или перебрал с вечеринками».

Однако для того, чтобы сохранить мир в конторе, и потому, что это было застойное летнее время, когда все бегут из Нью-Йорка, он согласился поработать с автором – безмятежной, лишенной всяких претензий душой. Деймон попытался придать книге более или менее пристойный вид, пригладил

наиболее откровенные любовные сцены, отредактировал на удивление грубую речь персонажей и выправил грамматику. Дама легко принимала все изменения. Не согласилась она лишь поменять название. Деймон пугал ее тем, что такие заглавия, как «Надгробная песнь», гонят покупателей из книжных лавок, но миссис Долгер оставалась непреклонной, пропуская все его доводы мимо ушей. Он вздохнул и сдался. Следовало отдать ей должное: после оглушительного успеха книги она ни разу не позволила себе поиздеваться над его мрачными предсказаниями. Поскольку миссис Долгер все делала не как профессионал, она настояла на том, чтобы его комиссионные составили двадцать процентов от ее доходов, а не десять – обычный гонорар литературного агента. Деймон полусхотел посоветовал ей держать этот акт непристойной щедрости в строжайшей тайне, если она не хочет, чтобы писательские организации всей страны объявили ей бойкот до конца ее дней.

Эта книга не принадлежала к числу тех, которыми привык заниматься он или его старший партнер Грей. Большую часть времени они тратили на то, чтобы найти новых авторов. Затем они начинали нянчиться с ними, доводя их труды до благожелательных рецензий и небольших тиражей. Довольно часто партнерам приходилось платить авторам из своего кармана, чтобы удержать их на плаву, пока они дописывали свою книгу или пьесу. Партнерам ни разу не удалось заработать много денег, а удручающее число молодых дарований, которым они помогали, оказавшись авторами единственной книги, либо спивались, либо садились на иглу. Впрочем, некоторые из них исчезали в Голливуде.

С творением миссис Долгер Деймон больших надежд не связывал и поэтому испытал чуть ли не облегчение, когда полдюжины издательств одно за другим с ходу отвергли ее писанину. Когда он был готов позвонить Женевьеве в Рослин и выразить вежливое сожаление в связи с тем, что книга не продается, какое-то небольшое издательство заявило, что готово принять роман, и выплатило мизерный аванс за первый пробный тираж. Очень скоро книга заняла верхнюю строчку в списке бестселлеров. Продажа только дешевых ее изданий принесла несколько миллионов долларов, а Голливуд купил право на экранизацию.

Полученные комиссионные казались Деймону астрономическими. Его имя впервые появилось в газетах, а на контору обрушился поток рукописей известных и хорошо оплачиваемых авторов, по той или иной причине разочаровавшихся в своих агентах. С большинством этих людей, несмотря на долгое пребывание в издательском бизнесе, он никогда ранее не встречался.

– Удачно выпали кости, – удовлетворенно произнес Оливер. – Наконец и нам досталось семь очков.

Он потребовал удвоения своего жалованья и пожелал, чтобы его имя в качестве партнера появилось на дверях офиса. Деймон с радостью удовлетворил обе эти просьбы и тут же изменил имя фирмы на «Грей, Деймон и Габриельсен», взамен попросив Оливера меньше таскаться по вечеринкам. Однако он решительно отказался переехать из двух комнат, которые Оливер именовал «жалкой пародией на офис», в другое, более подходящее (по мнению все того же Оливера) их новому статусу, помещение.

– Послушай, Роджер, – горячился Оливер, – каждый, кто к нам входит, наверняка считает, что мы обставили контору декорациями к «Холодному дому», и вытягивает шею, чтобы посмотреть, не пишем ли мы все еще гусиными перьями.

– Оливер, – отвечал Деймон, – изволь объясниться, хотя ты работаешь со мной так долго, что любое объяснение кажется мне лишним. Я провел почти всю свою сознательную жизнь здесь, в этих комнатах, которые ты называешь жалкой пародией на офис. Здесь я был счастлив, и мне нравилось приходить сюда на работу. У меня нет ни малейшего желания становиться крупным воротилой издательского дела. Я обеспечиваю себе вполне достойное существование, которое, допуская, и не вполне отвечает тому стандарту, который предпочитает современная молодежь. У меня также нет ни малейшего желания видеть перед собой множество письменных столов, зная, что сидящие за ними люди трудятся на меня. При этом не только трудятся, но и заставляют размышлять, кого еще нанять, кого уволить, как рассудить их споры и каким образом оплатить социальную страховку. Одним словом, только Богу известно, какие проблемы это порождает. Удача с «Надгробной песней» не более чем каприз судьбы, удар одинокой молнии. Говоря по правде, я горячо надеюсь, что ничего подобного больше не произойдет. Я втягиваю голову в плечи, проходя мимо витрин книжных магазинов, а мои уик-энды отравлены, потому что я вижу название этого шедевра в воскресном выпуске «Таймс». Я получаю большее удовлетворение от десятка блестящих строк в рукописи неизвестного автора, чем от банковского уведомления о перечислении очередных платежей за «Надгробную песнь». Ты же, мой старый друг, молод и алчен, что, увы, не редкость в наши дни.

Деймон знал, что по отношению к Оливеру эти слова не совсем справедливы, но хотел более ярко выразить свою точку зрения. Во-первых, Оливер Габриельсен был совсем не молод и уже приближался к сорокалетию. Во-вторых, он не меньше, чем Деймон, любил достойную литературу. В-третьих, он не был алчным, а об увеличении своей зарплаты просил чуть ли не извиняющимся тоном. Деймон знал, что если бы не работа жены, то Оливер пребывал бы на грани нищеты. Ему также было известно, что Габриельсен частенько получает приглашения от издательств поработать у них редактором с гораздо более высоким жалованьем по сравнению с тем, что платит ему Деймон. Оливер отвергал заманчивые предложения, так как считал, что издательские дома, сулящие ему королевское содержание по сравнению с мизерным рационом Деймона, пропитаны торгашеским духом. Но поток денег, неожиданно хлынувший в их агентство, похоже, временно выбил его из колеи, а комиссионные, которые он начал получать, став партнером, заметно изменили стиль его одежды и адреса ресторанов, в которые он отправлялся на ленч. Более того, Оливер переехал из грязной квартирki в Уэст-Сайде в небольшое, но уютное жилье в восточной части Шестидесятых улиц. Деймон, как и положено, винил во всем жену Оливера Дорис, которая бросила работу и появилась в их конторе в норковом манто.

– Ты, Оливер, видимо, слишком молод, – продолжал Деймон, наслаждаясь возможностью прочитать лекцию на тему, которую так обожал мусолить его бывший работодатель мистер Грин, – чтобы понять всю прелесть умеренности, получать удовлетворение от достижения скромных целей и не страдать по поводу того, какое место ты занимаешь в этом мире. Ты еще не научился ощущать своего превосходства над теми, кто своими амбициями укорачивает собственный путь к могиле. Их честолюбивые устремления пока еще тебе не чужды. Взгляни на меня. В жизни я не болел ни одного дня, у меня нет язвы, мне не известно, что такое высокое кровяное давление, и я не знаком с психиатрами. В больнице я побывал только раз, и случилось это лишь потому, что меня сбил автомобиль, когда я переходил улицу.

– Постучи по дереву, – сказал Оливер. – Немедленно постучи по дереву.

Деймон понял, что Оливер не слишком благосклонно воспринял его нотацию.

– Видит Бог, – продолжал Оливер, – я вовсе не предлагаю тебе арендовать Тадж-Махал. Но мы не сдохнем, если у каждого из нас будет по кабинету и достаточно места, чтобы посадить еще одну секретаршу, которая могла бы разобраться

с этой проклятой почтой. Кроме того, мне кажется, что единственная телефонная линия при той лавине звонков, которая обрушилась на нас в последнее время, есть не что иное, как вызов обществу. На прошлой неделе один парень из Рэндом-Хауса сказал, что названивал нам два дня, прежде чем сумел пробиться. Заявил, что в следующий раз, когда ему потребуется наладить с нами связь, он воспользуется тамтамом. Если мы установим коммутатор, то никто, поверь мне, не подумает, что ты продал свою душу филистимлянам. И не будет греховной роскошью, если раз в полгода нам станут мыть окна. Пока же для того, чтобы узнать, какая на дворе погода, мне приходится включать радио.

– Когда я уйду, – с нарочитой высокопарностью произнес Деймон, – ты можешь арендовать хоть целый этаж в Рокфеллеровском Центре, а в приемной у себя посадить победительницу конкурса «Мисс Америка». Но пока я здесь, все останется по-прежнему.

Габриельсен в ответ шмыгнул носом. Он был тщедушным светловолосым блондином – почти альбиносом и, чтобы компенсировать эти недостатки, держался чрезвычайно прямо, развернув плечи по-военному. Шмыганье носом было для него совершенно нетипичным.

– Когда ты уйдешь... – сказал он. – Да ты не уйдешь и через тысячу лет.

Они были хорошими друзьями, какими обычно бывают люди, которые встречаются каждый день для того, чтобы, усевшись друг против друга, вкалывать засучив рукава. Церемоний во время деловых споров они не признавали.

– Как уже неоднократно мной говорилось, – сказал Деймон, – я намерен уйти на покой, как только позволят обстоятельства, дабы наконец обратиться к тем книгам, которые не успел прочитать, руководя данным учреждением, пожирающим все мое время.

– Поверю лишь после того, как увижу это собственными глазами, – ответил Оливер. При этом он улыбался.

– Клянусь! Я никогда не предстану перед тобой в твоём новом королевском кабинете, – произнес Деймон. – Я буду вполне удовлетворен теми чеками, которые ты, согласно нашему контракту, будешь мне высылать. При этом

я стану молиться о том, чтобы ты не нанял себе жуликоватого бухгалтера, который будет подделывать счета.

– Облапошу тебя – как пить дать. Обдеру как липку! – осклабился Оливер. – Торжественно обещаю.

– Да будет так, – вздохнул Деймон, похлопывая коллегу по плечу. – А пока пусть все остается как есть. Идя навстречу твоим чувствам, клянусь: завтра же найму мойщика окон и заплачу ему из своего кармана.

Они оба рассмеялись и вернулись к работе.

Сидя с развернутой на списке бестселлеров газетой в довольно захлавленной гостиной и слушая продолжающийся колокольный звон, он припомнил разговор с Оливером и слова, которые тот произнес: «Деньги! Из этой книженции они так и прут».

Оливер оказался прав. Как это ни прискорбно.

Деймон вспомнил и то, что сказал Заловски: «Я, как и многие другие, читаю газеты». Однако Заловски не мог знать того, что львиная доля комиссионных ушла на оплату старых долгов и на самый необходимый ремонт домика на берегу пролива Лонг-Айленд в городке Олд-Лайм в штате Коннектикут. Владение перешло к Шейле по завещанию ее страдавшего старческим слабоумием бездетного дяди. Они проводили там летние отпуска, а в тех случаях, когда могли себе позволить, и уик-энды. Пребывая на отдыхе, они изо всех сил старались не обращать внимания на плачевное состояние этой развалины. Теперь дому предстояло получить новую крышу, новые водопроводную и отопительную системы и свежую краску. Все работы планировалось закончить к тому времени, когда Деймон решит, что пора уйти на покой.

Простой случай шантажа или вымогательства, подумал Деймон. Цена нескольких газетных строчек, попавшихся на глаза в трудный момент. А может быть, все не так просто?

Однако в его распоряжении есть кое-какие ходы. Он набрал номер в Рослине.

– Женестьева, – спросил он, когда леди лично подняла трубку, – вы видели сегодняшний номер «Таймс»?

– Разве это не чудесно? – сказала Женестьева. Она говорила негромким, настороженным голосом женщины, которая привыкла к тому, что муж и дети на каждом шагу ей противоречат. – Неделя за неделей. Как в сказке.

«Даже более чудесно, чем ты думаешь, любовь моя», – подумал Деймон. Но вслух он сказал:

– Вам удалось прикоснуться к душе читателя, живущего даже в самых отдаленных уголках страны.

Раньше, до того как издание в бумажном переплете разошлось таким тиражом, он залился бы краской стыда, произнося эти слова.

– Я хотел вас спросить, не звонил ли вам случайно человек по имени Заловски?

– Заловски, Заловски... – неуверенно пролепетала Женестьева. – По совести говоря, не помню. Сейчас мне звонят множество людей. Телевизор, радио, интервью... Мой муж говорит, что потребует для нас новый номер, не включенный в телефонную книгу...

Еще один секретный телефон, подумал Деймон. Преуспел – и прячься. Американский Образ Жизни.

– Заловски... – продолжала Женестьева. – А почему вы об этом спрашиваете?

– Мне позвонил какой-то человек. По поводу книги. Выразался весьма туманно. Сказал, что позвонит еще раз, и я подумал, что, может быть, он предпочел связаться непосредственно с вами. Ведь вы знаете, что в нашем агентстве работают всего три человека – Оливер, секретарь и я, – нам крайне трудно удовлетворять все просьбы... Мы не похожи на другие конторы с десятками сотрудников, разными отделами и тому подобным...

– Да, я знаю. Вы говорите о тех, кто отказался от моей книги до того, как я пришла к вам. – Голос, утратив настороженность, звучал отчужденно

и горько. – И при этом они даже не считали нужным придерживаться правил элементарной вежливости. Вы и Оливер оказались первыми истинными джентльменами, которых я встретила после того, как написала книгу.

– Мы пытаемся все время держать в уме старинную максиму, которую любил повторять мой прежний партнер мистер Грей. «Издательский бизнес – удел джентльменов», – говорил он. Конечно, это было давным-давно, и с тех пор многое изменилось. Тем не менее мне чрезвычайно приятно узнать, что остались еще люди, которые ценят старомодные манеры.

Деймон, беседуя с Женевьевой Долгер, всегда ощущал какую-то неловкость. Его речь казалась ему накрахмаленной и тщательно отутюженной. Деймона злило, что он не может говорить нормальным живым тоном с женщиной, которая лишь волей обстоятельств возникла в его жизни. Он никогда не был человеком, который подстраивается под собеседника. Деймон гордился своими принципами. Следуя им, он говорил своим клиентам только то, что думал – будь то похвала или хула. Если авторы возмущались критикой, злились, начинали отстаивать с пеной у рта свои позиции, он без всяких экивоков смирялся: визит в иное агентство, видимо, доставит им большее удовольствие. «Только так я и могу работать», – объяснял он клиентам. И вот теперь дама, которая принесла ему богатство, вынуждает его изъясняться так, словно его рот набит мушмулой.

– Никогда не забуду вашей помощи. Я ваша вечная должница, – произнесла Женевьева неожиданно дрогнувшим голосом. – До конца дней своих я буду помнить то, что вы для меня сделали.

– Не сомневаюсь, именно так и будет, – сказал Деймон, припоминая авторов, которые в то или иное время, обронив почти такие же слова, исчезали. Иногда стыдливо, а в иных случаях не скрывая злобы. Через некоторое время кое-кто из этих людей возникал в крупных литературных агентствах, где мог познакомиться с кинозвездами, мог попросить, чтобы за ним выслали в аэропорт лимузин, добыли в последний момент билет на бродвейский хит (несмотря на то что билеты были давным-давно раскуплены), устроили по всей стране телевизионную раскрутку или пригласили на ужин в лучший ресторан города.

– Не забудьте сообщить мне новый, секретный номер вашего телефона.

– Вы, Роджер, станете первым, кому я позвоню, – произнесла она с искренним чувством. Столь откровенное проявление эмоций начинало беспокоить Деймона.

– О... – протянул он и задал вопрос, которого она явно ожидала: – Как продвигается новая книга?

Женевьева вздохнула. Телефонный провод донес до Деймона тихий печальный всхлип.

– Просто отвратительно, – сказала она. – Похоже, я не в состоянии ее по-настоящему начать. Заканчиваю страницу, перечитываю, обнаруживаю, что это ужасно, рву в клочки и, чтобы не заплакать, отправляюсь печь пирог.

– Не стоит отчаиваться, – утешил Женевьеву Деймон. Ее слова принесли ему немалое облегчение. – Начало книги – самая тяжелая часть литературного труда. Не надо себя торопить. В спешке нет никакой необходимости.

– Вам придется учиться терпению, имея дело со мной.

– Я привык к сложностям, которые часто возникают у писателей, – сказал Деймон, размышляя, не скрестить ли на всякий случай пальцы, чтобы смягчить фальшь фразы – нелепо включать эту даму в число представителей столь аскетической и жутковатой профессии. – Проблемы как приходят, так и уходят. Что же, еще раз поздравляю. Звоните без стеснения, как только почувствуете, что вам нужна моя помощь.

Деймон положил трубку. Если повезет, подумал он, то, прежде чем закончить книгу, Женевьева испечет не менее сотни пирогов, а к тому времени он уйдет на покой и будет тихо жить в маленьком домике на берегу пролива. Что же, по крайней мере до нее Заловски не добрался, подумал он, положив трубку. Она бы наверняка запомнила его имя.

Деймон беспокойно расхаживал по квартире. Домой с работы он принес толстенную книгу, чтобы прочитать за субботу и воскресенье. Он взял рукопись, пробежал глазами несколько страниц и, ничего не поняв, отбросил в сторону. Затем Деймон отправился в спальню и весьма тщательно перестелил кровати. Этим делом он не занимался с момента вступления в брак. Каждый утешается чем может. Женевьева Долгер – выпечкой пирогов, а Роджер Деймон – уборкой

постелей. Он посмотрел на часы. Шейлы не будет дома еще по меньшей мере шесть часов. Без нее воскресенья лишались всякого смысла. Деймон решил уйти из дома, чтобы убить время до ленча. Но в тот момент, когда он надевал пальто, зазвонил телефон. Прежде чем подойти к аппарату, он позволил ему прозвонить шесть раз, надеясь, что звонящему, кем бы тот ни был, надоест ждать. Но раздался седьмой звонок, и Деймон поднял трубку, ожидая услышать противный хриплый голос. Однако звонила женщина, чью рукопись он принес домой, но так и не смог начать читать.

– Я хочу лишь узнать, закончил ли ты читать мою книгу, – сказала женщина. Голос дамы – глубокий и музыкальный – являлся ее главным достоинством.

Пару лет назад у них был непродолжительный роман. Шейла, узнав об этой связи от одной из подруг, в весьма типичной для нее манере заявила, что дамочка сама повисла у него на шее. На сей раз супруга попала в точку. Во время их второго свидания женщина сказала:

– Такого сексуального лица мне не доводилось видеть ни у одного мужчины. Когда ты стремительно вошел в комнату, мне показалось, что это бык выбежал на арену.

Она провела целый год в Испании, начиталась Хемингуэя, и ее речь изобиловала позаимствованными у него образами. Сначала он даже подумал, что если она хотя бы раз употребит слово «бык», то он ни за что не прикоснется ни к ней, ни к ее рукописи. Но дамочка была настырной, и он сдался, хотя никогда не думал, что те определения, к которым прибегала она, подходят к его описанию. «Вообще-то, – вспомнил он, – в комнату тогда я ввалился довольно неуклюже». Кроме того, Деймон никогда не встречал быков с такими, как у него, светло-серыми глазами. Посмотрев позже в зеркало, ничего бычьего он в себе не обнаружил.

Тем не менее женщина оказалась довольно милой и даже с интеллектом. Кроме того, она неплохо писала и держала фигуру в прекрасной форме, ежедневно упражняясь в спортзале. Он был польщен тем, что нашлась дамочка, которая шла на такие жертвы ради того, чтобы затащить его в свою постель. В его-то возрасте! Что ж, шестьдесят лет вовсе не означают, что тот, кто их достиг, стоит на краю могилы. В одной из их редких ссор Шейла сказала с горечью:

– Ты растрачиваешь себя на женщин.

Брак не помог избавиться ему от этой слабости. Связь с писательницей была приятной – но не более того.

– То, что успел прочитать, мне понравилось, – сказал Деймон.

Он представил ее обнаженной в постели. Упругие груди. Натренированные, крепкие ноги. У него возникла мысль пригласить ее на ленч, но он тут же отказался от этой идеи. Не стоит осложнять себе жизнь и громоздить один секрет на другой.

– Постараюсь закончить сегодня вечером. Я позвоню, – сказал он.

Затем он вышел из дома и начал бесцельно слоняться по улицам Гринвич-Виллиджа. Судя по всему, слежки за ним не было. Обычно по воскресеньям они с Шейлой отправлялись на поздний ленч в небольшой итальянский ресторан, который им обоим очень нравился. Спагетти под соусом из моллюсков. Славное послеполуденное воскресное время, когда они могли расслабиться за бутылкой кьянти, чтобы забыть о стрессах минувшей недели и не думать о том, чем грозит им неделя наступающая.

Ресторан был полон, ему пришлось подождать, пока освободится столик. Владелец заведения поинтересовался здоровьем отсутствующей синьоры. Развеселая компания за соседним столом заставила Деймона еще сильнее ощутить свое одиночество, а полбутылки вина настроения не улучшили. Поглощая спагетти, он невольно вспомнил о том, что в этом ресторанчике несколько лет назад застрелили какого-то гангстера, и думал о том, как это выглядит со стороны, когда тебя убивают у всех на глазах.

Глава 3

Вернувшись домой, Деймон обнаружил, что из щели его почтового ящика торчит сложенный лист бумаги. Он посмотрел на бумагу с опаской и, слегка поколебавшись, осторожно прикоснулся к ней, а затем вытянул из ящика. Это

была страничка из альбома для этюдов, а послание начертил жирным черным фломастером Грегор.

«Мы проходили мимо, – значилось в записке, – нажали на кнопку твоего звонка и получили отлуп. Неужели ты от нас прячешься? Друзья по воскресеньям должны сидеть дома. Мы сегодня празднуем. О причине торжества я тебе сообщу при встрече. Нам хочется разделить свою радость с товарищами. Если ты читаешь эти строки до наступления полуночи, топай к нам. Тебя ждет фиеста в венгерском стиле. Будут вино, женщины и твердые колбаски. По крайней мере одна женщина и одна колбаска. Аванти!»

Читая записку, Деймон улыбался. Поднявшись к себе, он посмотрел на часы. Еще не было трех, а Шейла не могла вернуться ранее шести. Он обожал встречи с Грегором Ходаром и с его гостеприимной, талантливой супругой. Кроме того, Деймон представлял интересы одного драматурга, пьесу которого должны были начать репетировать в сентябре. Он надеялся, что Грегор согласится оформить спектакль. Грегор как-то, повествуя о процессе своей американизации, сказал, что двинулся на Запад в 1956 году, когда в Будапешт вошли русские. Начав движение, он не смог остановиться, пока не добрался до Нью-Йорка.

– Что бы ни происходило, – делился с ним сокровенными мыслями Грегор, – человеческим существам это идет во вред. Поэтому я задал себе вопрос: «Принадлежишь ли ты, Грегор Ходар, к сонму так называемых человеческих существ?» Внимательно изучив все про и контра, я решил, что подпадаю под эту категорию, хотя, быть может, и не в число самых лучших.

Тогда Грегору не исполнилось и двадцати. Он был нищим студентом художественной школы и, прежде чем обосноваться в Нью-Йорке, пережил несколько поистине ужасающих лет. О тех временах он никогда не вспоминал и не говорил, остались ли в Венгрии близкие ему люди. Несмотря на то что Грегор гордился своим венгерским происхождением, особых сантиментов по этому поводу он не проявлял и называл своих компатриотов «цивилизованными людьми, которым потому и не везло, что они вечно оказывались не в том столетии».

– Центральная Европа, – рассуждал он, – похожа на коралловый атолл в Тихом океане. Наступает прилив, и ее не видно. Приходит отлив, и она оказывается на месте. Самое большее, что о ней можно сказать, так это то, что она мешает судоходству. Когда я пью токайское и уже изрядно наберусь, мне кажется, что

в нем появляется привкус крови и морской воды.

У Грегора был высокий лоб с залысинами, с зачесанной назад и начинающей редеть темной шевелюрой. Его вкрадчивая и несколько архаичная улыбка располагала к себе, появляясь на круглой физиономии человека средних лет. Своим обликом, как сказал ему однажды Деймон, Грегор был похож на Будду, затеявшего очередную шалость.

Грегор говорил с мягким, специфическим акцентом. На его смуглом мадьярском лице сияли глубоко посаженные, полные насмешки глаза, а уголки губ, искривляясь, напоминали древний лук, предназначенный не для убийства, а для того, чтобы украшать стены жилища. У Грегора эта насмешливая манера говорить означала лишь то, что его слова не следует воспринимать серьезно. Он был преданным своему делу, одаренным художником. Его полотна выставлялись по всей стране, и, кроме того, он был оформителем множества бродвейских постановок. Творил он мучительно медленно, отвергая предложения в том случае, если пьеса не отвечала его вкусам. Поэтому он не мог позволить себе жить так, как живут богачи, а свою нищету по сравнению с той роскошью, в которой купались его более уступчивые коллеги, Грегор превратил в предмет бесконечных шуток.

Его жена Эбба, рослая, милая женщина, с обветренным лицом жительницы пограничных земель прошлого века, происходила из шведов, давно осевших в Миннесоте. Она занималась театральными костюмами. Эбба и Грегор являли собой не только славную и приятную в общении семью, но и были весьма ценной рабочей парой.

Деймон понятия не имел, что празднует Грегор, однако несколько шумных часов на обширном чердаке бывшего склада на Гудзоне, превращенном семейством Ходар в жилье и студию, были явно приятнее, чем одинокое прозябание в течение бесконечно длинного остатка воскресного дня.

На тот случай, если Шейла явится раньше, он оставил ей записку, в которой сообщал, что находится у Грегора, и призывал тоже прийти. Ей настолько нравилась эта пара, что она даже смогла спокойно высидеть несколько часов, пока Грегор писал ее портрет. Это случилось прошлым летом, когда Ходары навещали их в Коннектикуте. Грегора портрет чем-то не устроил, и он держал его на мольберте в студии, периодически касаясь полотна кистью.

– Дело в том, что ты – воплощение аристократизма, – объяснял он Шейле. – У тебя благородное лицо, фигура, характер, а секрет производства красок, которыми можно передать эти качества, в наш суровый век утерян. Да и люди перестали благородно выглядеть. Лишь некоторые собаки – ньюфаундленды, золотистые ретриверы да ирландские сеттеры сохранили породу. Потерпи. Мне необходимо побывать в пятнадцатом веке. А это путешествие не совершишь в подземке.

Грегор приветствовал Деймона крепкими объятиями, а Эбба – застенчивым поцелуем в щеку. Грегор, имевший свои представления о том, как должна одеваться творческая личность, был облачен в клетчатую фланелевую рубашку и мешковатые вельветовые штаны. На его шее красовался ярко-оранжевый, необычайно широкий, сплетенный из шерсти галстук. Поверх рубашки был неизменный толстенный твидовый пиджак шоколадного цвета. Он его не снимал даже в самые жаркие дни. Создавалось впечатление, что когда-то очень давно Грегор сильно замерз и до сей поры не может согреться.

В отличие от многих коллег-художников Грегор не превратил студию в выставку своих картин. Портрет Шейлы на мольберте был прикрыт, остальные работы стояли лицом к стене.

– Когда я пишу картину, мне страшно смотреть на то, что я уже сотворил, – пояснял Грегор. – Когда я устаю или оказываюсь в творческом тупике, у меня возникает искушение украсть что-нибудь у самого себя. Совершить автоплагиат, если можно так выразиться. Если я изрядно наберусь вечером, а вся дневная работа закончена, то я смотрю на картины. Когда наступает время снова ставить их лицом к стене, я хохочу или рыдаю.

Деймон с облегчением отметил, что вечеринка была действительно скромной. В студии присутствовали мистер и миссис Франклин, которых Деймон и до этого несколько раз встречал у Грегора. Они совместно владели художественной галереей на Мэдисон-авеню. Оба члена семейства Франклин носили значки «Бомбе нет!», и Деймон припомнил, что сегодня, если верить газетам, должна была состояться антивоенная демонстрация.

Здесь же оказалась и Беттина Лейси – приятная миловидная дама лет шестидесяти. Она давным-давно развелась с мужем и теперь содержала антикварный магазин. Гости, как и обещал Грегор, пили вино, а на столе на большом блюде были аккуратно разложены тонкие ломтики твердых венгерских

колбасок, украшенных редиской.

Все обменялись приветствиями и расселись на европейский манер за большим, круглым, чисто выскобленным деревянным столом.

Деймон спросил:

– Итак, что мы празднуем?

– Все в свое время, мой друг, – ответил Грегор. – Сначала выпей.

Он налил вино в стоящий перед Деймоном бокал. Деймон бросил взгляд на бутылку. Это было токайское. Он отпил немного, но привкуса крови или морской воды в вине не почувствовал.

– Теперь, – объявил Грегор, – Беттина должна поведать нам ужасную историю. После этого мы потолкуем и о причине торжества. Прошу, Беттина... – Он сделал широкий жест рукой в сторону хозяйки лавки древностей, пролив при этом часть вина из своего бокала.

– Грегор, – запротестовала миссис Лейси, – вы все мой рассказ только что слышали.

– А Роджер не слышал, – возразил Грегор. – Я хочу узнать его мнение. У Деймона трезвый ум, и человек он честный, поэтому мне особенно ценно его мнение по тем вопросам, которые лично я понять не в состоянии. Приступайте.

– Ну что же, – начала дама не так уж и неохотно. – Речь идет о моей дочери. Насколько помню, я говорила вам, что она учится в Риме...

– Да, – ответил Деймон.

– Кроме этого, она пытается не упускать из виду и предметы старины – мебель, серебро, посуду и все такое, что может меня заинтересовать. В прошлое воскресенье неподалеку от Рима должна была открыться большая ярмарка антиквариата, и дочь сказала, что собирается туда поехать, а после написать обо всем, что видела и что мне по карману. Два дня назад от нее пришло письмо,

в котором она объясняет, почему не поехала, хотя уже успела взять напрокат автомобиль.

Миссис Лейси отпила немного вина с таким видом, как будто история, которую ее вынудили поведать, настолько ужасна, что, не подкрепившись, продолжать повествование она не может.

– Проснувшись утром в воскресенье и еще не встав с постели, пишет дочь, она почувствовала нечто странное и непонятное. Такого чувства неясной тревоги или даже ужаса ей ранее испытывать не доводилось. И это без всякой на то причины. На пустом месте, как пишет она. Поднявшись с постели, дочь вдруг поняла, что у нее нет сил даже для того, чтобы приготовить себе завтрак, а при мысли о том, что ей предстоит вести машину за город, она разрыдалась. Она была одна и осознавала идиотизм ситуации, но справиться с нервами не могла. При этом, поверьте, у девочки глаза не на мокром месте. Она и малышкой очень редко пускала слезу. А теперь ее била дрожь, и на то, чтобы одеться, ей потребовался целый час. Это чувство не оставляло ее все утро, а если по правде, то и весь день. Автомобиль в агентстве она брать не стала и до вечера просидела на солнце в саду виллы Боргезе, ни с кем не разговаривая и не поднимая глаз. С наступлением темноты девочка вернулась домой, рухнула на постель и уснула глубоким сном. Она спала, не просыпаясь, до девяти утра.

Миссис Лейси вздохнула, и ее лицо омрачилось, словно она почувствовала себя виноватой в том, что не смогла утешить свою девочку в столь трудный для той день. Попытавшись улыбнуться, леди продолжила:

– Страхи, которые дочь испытывала прошлым днем, исчезли, и она, отлично выспавшись, чувствовала себя превосходно. По дороге в библиотеку, в которой работает, девочка взяла из почтового ящика газету и тут же увидела кричащий заголовок. Оказывается, в старом деревянном доме, где открылась выставка, случился ужасный пожар, тридцать человек погибли в огне.

Дама тяжело вздохнула, всем своим видом демонстрируя, что рассказ лишил ее последних сил.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание.

– Вы верите в экстрасенсов и в дар предвидения, мистер Деймон? – поинтересовался Франклин.

Мистер Франклин был добропорядочным деловым человеком, привыкшим иметь дело с реальными, поддающимися количественному учету объектами. По тону, каким был задан вопрос, Деймон заключил, что мистер Франклин не склонен придавать большого значения письму дочери миссис Лейси.

– Что же, – начал Деймон (повествование дамы, как ни странно, произвело на него впечатление более сильное, чем он мог ожидать), – Юнг, а за ним Артур Кестлер...

– Но они так ничего и не смогли доказать, – прервал его Франклин.

– А что думаешь ты, Грегор?

– Я верю во все, что невозможно доказать, – заявил художник. – А думаю я, что нам надо еще выпить.

Пока он ходил в кухню, чтобы принести очередную бутылку охлажденного вина, миссис Лейси сделала попытку объясниться:

– Прошу прощения. Я никому не хотела испортить настроение. Однако, чем бы ни было это явление, я до конца дней своих не перестану возносить хвалу Господу.

После этих слов в помещении на некоторое время снова повисло неловкое молчание. Радостное настроение на какой-то момент исчезло.

– Ну когда же мы услышим о причине празднества? – спросил Деймон, пытаясь вернуть беседу к более веселой теме. Он и сам едва удерживался от того, чтобы не пуститься в рассуждения по поводу рассказа миссис Лейси о ее дочери.

– Мы оба получили весьма щедрый грант от одного фонда, – широко ухмыляясь, объявил Грегор. – Эбба и я. Годичное путешествие по Европе, дабы освежить наши таланты в фонтанах культуры. Музеи, опера, соборы, роскошные ужины, французские вина. Все это мне как-то больше по душе, чем продовольственные

талоны. Америка, бесспорно, щедрая страна. Нефтяные компании, конгресс, новые Медичи. И кроме того, от нас не требуют никаких обязательств. Мне не придется писать пейзажи с нефтяными вышками или портреты президентов корпораций и их супруг. А Эбба не будет обязана создавать наряды для их впервые выходящих в свет дочерей. Смею вас заверить, мы будем хорошими капиталистами и не позволим им нажиться на нас. Одним словом, через неделю мы отбываем. Роджер, что с тобой? Ты, похоже, не рад нашему счастью?

– За вас-то я, безусловно, рад, – ответил Деймон. – Но я надеялся, что ты просмотришь пьесу, автора которой я представляю. Ее должны поставить осенью, и я думал, она может тебя заинтересовать.

– Пьеса идет без смены декораций, и в ней всего лишь два действующих лица.

– Три, – со смехом сказал Деймон.

Удовлетворенно кивнув, Грегор продолжил:

– У Шекспира действуют тридцать, может быть, сорок персонажей, а сцен бывает чуть ли не до двадцати.

– Шекспир не имел дел с продюсерами, банками и профсоюзами.

– Бедный Вильям, – снова кивая, вздохнул Грегор. – Какого ценного опыта он лишился, и это, бесспорно, отразилось на качестве его творений. Не так ли? Роджер, друг мой. Театр в Нью-Йорке усох до размеров жареного каштана. Его можно сравнить лишь с уличным торговцем галстуками. Для оформления спектакля найми плотника или специалиста по интерьерам. Опиши мне декорации, когда пьеса будет поставлена. В это время я буду в «Ла Скала» наслаждаться «Волшебной флейтой». Спальни, уличные сцены, труппа из ста человек, статуи, адское пламя. Когда тебе попадет пьеса с подходящими к платформе поездами, храмами, дворцами, лесами, марширующими армиями, бушующей толпой, двумя сотнями разных костюмов, то зови нас. Америка – богатейшая страна мира, но во всех своих театральных постановках в качестве декораций использует лишь один предмет: кушетку психиатра. А действующих лиц в пьесе всего два – доктор и пациент. Акт первый: «Доктор, у меня проблемы». Акт второй: «Доктор, у меня по-прежнему проблемы». Все. Финиш.

- Ты слишком суров к своим современникам, Грегор, - со смехом сказал Деймон. - Хорошие пьесы еще попадают.

- Все это убого. Очень убого, - мрачно произнес Грегор.

- Ну хорошо, я подыщу для тебя мюзикл.

- Ну да, - сказал Грегор. - Вкальываешь год. Затем второй. Делаешь тысячу эскизов. Вокруг тебя все бьются в истерике. Денег тратится столько, что на них можно шесть месяцев кормить всю Камбоджу. Один спектакль, и... фьють! Лавочка закрывается. *Après moi le deluge* - через неделю меня так или иначе ждет гильотина. Я не тот человек, который способен выносить бесцельные траты. Я никогда ничего не выбрасываю, будь то обрывок бечевки или тюбик, в котором осталась капля краски.

- Грегор, - сказал Деймон, - с тобой, как всегда, невозможно спорить.

Грегор расцвел:

- Как было бы славно, если бы все поступали столь же мудро, как ты, мой друг! За это я обязательно пришлю тебе открытку из Флоренции. Тем временем, если ты найдешь художника, которому на год нужна большая и недорогая студия, присылай его ко мне. Но этот парень должен писать хуже меня. Я не получу никакого удовольствия от Европы, если буду знать, что какой-то тип, находясь в моем доме, создает шедевры. Но мне не надо и тех, кого Джим Франклин выставляет в своей галерее. Две линии на холсте размером восемьдесят на восемьдесят, с фоном из акриловой краски, созданным с помощью распылителя. Я смогу стерпеть посредственность, но не выношу профанации, - закончил он, сверкнув глазами в сторону Франклина.

- Да брось ты, - без всякой обиды отмахнулся тот, - я и тебя выставлял.

- И сколько полотен продано?

- Одно.

– Ха! – презрительно бросил Грегор. – Это ты приучил всех восхищаться геометрией. Мягкие формы, страсть художника, очарование цвета, способность любоваться прекрасными лицами и фигурами... Где они? Все! Капут!

Дискуссия явно задела Грегора за живое, и из его фраз исчез обычно свойственный ему добродушный юмор.

– Грегор, прошу тебя, – вмешалась Эбба. – Джим не несет ответственности за развитие искусства в последние полстолетия.

– Но он преумножает преступления, – мрачно проворчал Грегор. – Пятнадцать выставок в год. Ты только посмотри на них и на их значки.

Франклин машинально прикоснулся к большому круглому значку на лацкане пиджака и довольно воинственно спросил:

– Чего плохого ты находишь в том, что мы выступаем против атомной бомбы?

– Не вижу ничего плохого в том, что ты выступаешь против атомной бомбы, – громогласно заявил Грегор. – Я просто терпеть не могу значков. Хочешь знать, о чем они кричат? «Я вхожу в ограниченную группу, состав которой определяет кто-то другой. Я слушаю и поступаю так, как мне велят», – объявляют значки. «Я не отличаюсь от других, хотя и теряю при этом половину мозгов», – говорят они. – Грегор разошелся вовсю и уже не шутил. – «Шагом марш по улицам Америки!» – приказывают значки.

– Приглашаю тебя присоединиться к нам на следующей демонстрации. Увидишь все своими глазами, – произнес все еще спокойно Франклин, хотя Деймон видел, что нападки художника начинают его раздражать.

– Когда такое же число русских, чехов, венгров, восточных немцев, поляков, эстонцев, латышей, кубинцев станут маршировать с такими же значками, – сказал Грегор и судорожно вздохнул (при перечислении национальностей ему не хватило воздуха), – я пойду с вами. В то время как вы топчетесь на своих демонстрациях, в Кремле со смехом рассматривают газетные фотографии протестующих американцев, англичан и французов и посылают еще сто тысяч солдат в Афганистан. Кремль изучает тайные карты, присматривая жилье на Парк-авеню, в Хэмптоне, на Беверли-Хиллз, одним словом, в самых лучших

местах Америки, для своих шпионов, которых пришлет сюда.

– Грегор, – резко бросила Эбба, – перестань разыгрывать роль венгра! Здесь тебе не Будапешт.

– Венгр не может перестать быть венгром, – ответил Грегор, – особенно после того, как увидел на бульварах русские танки.

– Ну и что? – раздраженно спросил Франклин. – Считаешь, пора начинать их бомбить?

Грегор поднес руку ко лбу, изобразив задумчивость.

– Вопрос серьезный. Прежде чем ответить, я должен выпить. – Он налил бокал до краев, сделал большой глоток и поставил бокал на стол. – Я против ядерной войны, которая обязательно разразится вне зависимости от того, кто участвует в маршах протеста. Но я стою в стороне. Людям не терпится, чтобы она началась побыстрее. Я же вижу лишь один выход: дело в выборе типа ядерного оружия. Некоторое время назад по поводу этого оружия поднялся большой шум. Мне не очень понятно, с какой стати. Речь идет о нейтронной бомбе. Тридцать пять тысяч, сорок тысяч боеголовок, и через тридцать секунд мир прекращает свое существование. Не остается ни мужчин, ни женщин, ни детей. Гибнут птицы в воздухе и рыбы в океане. Исчезают города. Но нейтронная бомба изобретена поэтом, ценителем искусства. Конечно, сказал он, закончив расчеты, знакомый мир пойдет к чертям, но после нейтронной бомбы кое-что и сохранится. Она, вне сомнения, убьет почти всех людей, но останутся дома, храмы, музеи, библиотеки, натюрморты, статуи, книги. Бомба оставит кое-что и для тех двух-трех сотен, которые выживут. Эти люди – индейцы с берегов Амазонки и эскимосы с Северного полюса – смогут повторить все сначала. Все это страшно смердит. Все желают тотального уничтожения, хотят, чтобы погибли здания, церкви, книги и картины. Если вы согласны двинуться маршем в поддержку моих идей, я иду с вами.

– Грегор, – наконец открыла рот миссис Франклин, – вы рассуждаете так только потому, что у вас нет детей.

– Верно, – тихо ответил Грегор, – детей у меня и Эббы нет. Но это не наша вина. В этом виноват Бог.

Он склонился к жене, которая всегда старалась сидеть как можно ближе к нему, и поцеловал ее в щеку.

Деймон поднялся. Беседа вывела его из душевного равновесия больше, чем он хотел показать. Он не был уверен в том, что его огорчит гибель мира, если при последнем взрыве погибнет мистер Заловски.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он. – Шейла может появиться в любой момент, а она не любит возвращаться в пустой дом.

По пути к себе Деймон решил, что визит к Грегору был не самой удачной затеей. Во-первых, его стала снедать зависть к семье Ходар в связи с предстоящим Грегору и Эббе вояжем в Европу. Как было бы здорово, думал он, купить билеты для себя и Шейлы и улететь завтра в Париж или Рим, забыв на двенадцать беззаботных месяцев о контрактах, обязательствах, делах и угрозах. Жизнь художника все-таки имеет большие преимущества.

Во-вторых, атмосфера в студии вовсе не располагала к веселью. Рассказ Беттины Лейси о злоключениях ее дочери, мягко говоря, огорчал. За ним возникали картины ужасных смертей, хотя с ее дочкой ничего страшного не произошло. А черный юмор Грегора – если это можно назвать юмором – пробудил страхи, которые Деймон, подобно всем другим мужчинам и женщинам земли, старался в себе подавить.

Было бы лучше, думал Деймон, если бы, вернувшись после ленча домой и найдя записку, он отправился не в гости, а в бар и, немного выпив, посмотрел там бейсбол по телевизору.

Глава 4

Когда Шейла не появилась и к семи часам, он начал беспокоиться. Супруга твердо обещала вернуться в шесть, а она славилась тем, что всегда, с заслуживающей восхищения точностью, держала свое слово. Деймон жалел о том, что не позвонил утром в дом ее матушки и не посоветовал Шейле вернуться до заката. Ему очень не хотелось, чтобы она в сумерках шла пять

кварталов, отделяющих их дом от гаража, в котором должна была оставить позаимствованную у друзей машину. Он мог бы сказать ей, что в последние дни по Гринвич-Виллиджу прокатилась волна уличных грабежей, и это в любом случае было бы не очень далеко от истины.

К восьми часам Деймон нервно расхаживал из угла в угол, уже созрев для того, чтобы звонить в полицию. Но вот послышалось позвякивание ключей. Он подбежал к дверям и, обняв супругу, крепко прижал ее к себе, едва та успела вступить в крошечную прихожую.

– Бог мой, – сказала она. – И что же это должно означать?

– То, что ты опоздала, – сказал Деймон, поднимая с пола небольшую дорожную сумку, – и ничего больше.

– В таком случае, – с улыбкой произнесла она, – я постараюсь опаздывать как можно чаще.

Улыбка совершенно преображала лицо Шейлы. Несмотря на долгие годы совместной жизни, Деймон не уставал этим восхищаться. В обычном состоянии ее лицо было смуглым и мрачным, напоминая суровые лица крестьянок с фотографий, которые можно увидеть во всех иллюстрированных альбомах об Италии. Он как-то сказал Шейле, что улыбка возвращает ее в Америку.

– Как в Вермонте? – спросил Деймон.

– Просто счастье, что у меня только одна мамочка, – ответила она. – Как дела здесь?

– Одиночество. Я сберег для тебя кроссворд.

– Дорогой ты мой... – сказала Шейла, освобождаясь от пальто. – Кроссвордом я займусь позже. А пока я хочу умыться и расчесать волосы. Тем временем ты приготовишь мне что-нибудь выпить, а затем пригласишь в хороший ресторан, где прилично кормят. С того момента, когда я последний раз была в Вермонте, мамочка успела удариться в вегетарианство. Кухонная менопауза, если можно так выразиться. – Шейла бросила взгляд на сверкающую всеми огнями люстру

под потолком. Остальные лампы в комнате тоже горели. Шейла очень редко включала люстру, заявляя, что в своем возрасте она приберегает яркий свет для врагов.

– Чем ты здесь занимался? Фотографировал для журнала «Плейбой» очередную Заиньку года?

– Искал телефонный номер в справочнике, – соврал он, выключая верхний свет. – Мысль выпить мне нравится, но перекусить я предпочел бы дома. Яйцами, например, или чем другим, что сыщется в холодильнике. Ленч у меня сегодня был поздний и обильный, и я не голоден.

Итак, сложности уже начались, но объяснять, почему он предпочитает дом тому, что может ожидать их по пути в ресторан, пока не время.

– Перестань, Роджер, – сказала Шейла. – В воскресный вечер...

Не зная, как поступить, он едва не пригласил супругу сесть, чтобы все ей рассказать. Но, решив не омрачать ее возвращение домой, отказался от этой идеи. Если все сложится благоприятно, то он никогда ей всего и не расскажет.

– Ладно, ресторан так ресторан, – согласился он. – Пока я пошел готовить тебе выпивку.

Шейла внимательно на него посмотрела. Деймон сразу узнал взгляд, который именовал «больничным». Со своей будущей женой он познакомился, когда валялся на койке с ногой на растяжке, после того как его сбила машина. Он делил двухместную палату с типом по фамилии Бьянчелли, на которого тоже наехал автомобиль и который был неженатым дядюшкой Шейлы. Дядя и племянница были очень близки, главным образом потому, что оба одинаково оценивали безнадежно вздорный характер матушки Шейлы – родной сестры Бьянчелли.

Общее несчастье сдружило пациентов. Деймон скоро узнал, что Бьянчелли – невысокий, смуглый, красивый мужчина с тронутой сединой шевелюрой – владел гаражом в местечке Олд-Лайм в штате Коннектикут и приезжал в Нью-Йорк раз в год, чтобы повидаться с племянницей.

– В Олд-Лайме подобное случиться просто не могло, – говорил Бьянчелли, удрученно барабая пальцами по загипсованной до верхней части бедра ноги. – Матушка недаром твердила, чтобы я держался подальше от больших городов.

– Я прожил в Нью-Йорке много лет, – ответил Деймон, – а шагнул с тротуара не глядя. Точно так же, как и вы.

Страдальцы посмеялись над своей неосторожностью. Дела у обоих шли на поправку, и они могли позволить себе повеселиться.

Шейла, закончив работу в детском саду при школе, каждый день навещала дядю, и именно в этой палате на двоих Деймон впервые познакомился с ее «больничным» взглядом. Каждый раз, когда племянница входила в палату, Бьянчелли старался придать своему лицу радостное и безмятежное выражение, каким бы трудным ни выдался день. А у него бывали по-настоящему тяжелые дни. Однако, едва перешагнув через порог и бросив первый взгляд на дядюшку, Шейла говорила:

– Не пытайся одурачить меня, дядя Федерико. Что сегодня не так? Тебя обидела сестра? Доктор сделал тебе больно? Выкладывай.

И каждый раз она попадала в точку. За три недели посещений она, можно сказать, усыновила Деймона. Все его попытки проявить стоицизм безжалостно отменялись, и он был вынужден жаловаться на то, что сегодня ему дали недостаточно снотворного и он не мог спать или что доктор не прислушался к его словам о том, что гипс на ногу наложен слишком туго. Постоянные требования Шейлы немедленно улучшить лечение создали ей отвратительную репутацию у врачей и части медицинских сестер. Деймон с удовольствием наблюдал за тем, как она поправляет дяде подушки и уговаривает съесть принесенные ею деликатесы, требуя при этом, чтобы Деймон тоже съел свою долю. Он с интересом слушал, как она негромким сочным голосом рассказывает дяде семейные новости, забавляет его довольно ядовитыми анекдотами о комических выходках своей матушки, делится впечатлениями об увиденных спектаклях или развлекает рассказами о проделках ребятишек в своей группе. Вскоре ее посещения превратились для Деймона в главное событие дня.

Ее постоянной заботой стали вазы для той лавины цветов, которую обрушили на Деймона его многочисленные друзья и приятельницы. В тех случаях, когда ее

посещение совпадало с визитами дам из круга знакомых Деймона, она вела себя с холодной корректностью, не проявляя присущей ей сердечности. Шейла была настолько правильной и добропорядочной, а ее присутствие оказывало такое умиротворяющее действие, что Деймон вполне понял слова Бьянчелли о племяннице:

– Когда она кладет мне ладонь на лоб, проверить, нет ли у меня жара, она исцеляет меня больше, чем все, вместе взятые, доктора и сестры с их инъекциями.

Пролежав в больнице две недели, Деймон пришел к выводу, что как его бывшая жена, так и все знакомые девицы и дамы по сравнению с Шейлой Бранч (это была ее девичья фамилия) нестерпимо пусты, легкомысленны и ненадежны. Одним словом, он, несмотря на разницу в возрасте (ему сорок, а ей двадцать пять), решил на ней жениться, если она, конечно, захочет взять его в мужа.

Но ее способность сопереживать и проникательность – качества, столь уместные в больнице, в семейной жизни иногда оказывались несносными. Вот и сейчас, после возвращения, едва сняв перчатки, в которых вела машину, Шейла сказала:

– Ты выглядишь ужасно. Что случилось?

– Ничего! – бросил он резко и несколько раздраженно, вспомнив, что такой тон частенько вынуждает ее прекращать допрос. – Я весь день читал, пытаюсь понять, что в рукописи не так и каким образом это можно исправить.

– Нет, здесь нечто большее. – Шейла стояла на своем с крестьянским упрямством. Подобные объяснения она уже не раз от него слышала. – Ты был на ленче со своей бывшей супругой, – заявила Шейла прокурорским тоном. – Это она, а не рукопись. После встречи с ней ты всегда ведешь себя так, словно у тебя в голове бродят грозовые тучи. В чем дело? Она опять просила у тебя денег?

– К твоему сведению, я поглощал ленч в одиночестве, а экс-супруги не видел уже больше месяца, – ответил он, обрадовавшись возможности говорить честным тоном незаслуженно обиженного человека.

– Что же, – сказала Шейла, – в таком случае, когда мы пойдем на ужин, попытайся выглядеть лучше или хотя бы по-иному. – Заканчивая спор, по крайней мере на время, она произнесла с улыбкой: – Это я тот человек, который должен бы быть мрачнее тучи после двух дней, проведенных в обществе Мадонны.

– Ты выглядишь великолепно, – сказал он, совершенно не кривя душой.

Ни одно агентство, конечно, не пригласило бы ее в качестве модели для журнала мод, но для Деймона Шейла, с ее суровыми и резкими чертами лица, темными, жесткими и густыми волосами до плеч, оливковой кожей, крепким телом и щедрыми формами, с течением времени стала эталоном, по которому он оценивал физические достоинства и характер остальных женщин.

Несмотря на это, Деймон чувствовал неодолимую тягу к другим женщинам – к своей иберийской красотке, например, – и получал от кратких связей с ними огромное удовлетворение. Долгие годы веселой холостой жизни развили в нем две страсти – желание работать и влечение к женщинам. Вторым браком в этом отношении его не изменил. Деймон не был религиозным человеком, хотя в тех случаях, когда обстоятельства вынуждали его размышлять о Боге, он склонялся к агностицизму. Тем не менее ему не было чуждо понятие греха, если тягу к прекрасному полу можно было считать грехом. Он не упоминал всуе имя Божье, не крал, не лжесвидетельствовал, не убивал, однако время от времени не мог устоять перед тем, чтобы не возжелать жены ближнего своего. Его тяга к женщинам была очень сильной и казалась ему вполне естественной. Деймон почти ничего не делал для того, чтобы себя укротить. Правда, удовлетворяя свою страсть, он по мере сил стремился не причинить вреда ни себе, ни партнерше.

Нью-Йорк в те годы не был мировым центром воздержания. В юности Деймон был красив, а люди, бывшие привлекательными в молодости, продолжают сохранять уверенность в себе и тогда, когда время уже оставило на их внешности свой печальный след. Он не пытался скрыть эту особенность своего характера от Шейлы. В любом случае такое было невозможно, так как ей уже довелось принимать парад навещавших его в лечебнице дам и расставлять по вазам присылаемые ими букеты. Женщина из Испании сердила Шейлу своей нескромностью. По правде говоря, она раздражала этим и Деймона, и, расставшись с этой леди, он почувствовал немалое облегчение. За два прошедших с того времени года никаких новых связей у него не было.

Он не расспрашивал Шейлу о ее прежних романах и о тех, которые могли быть после замужества, но и сам никогда не просил прощения. Несмотря на то что в их жизни случались штормовые периоды, они по большому счету были счастливы, и у Деймона всегда становилось радостно на душе, когда Шейла, как, например, сегодня, переступала порог дома. Его, как последнего эгоиста, радовало то, что он значительно старше ее и может умереть раньше, чем она.

Деймон, радуясь тому, что Шейла целая и невредимая вернулась домой, еще раз привлек ее к себе и поцеловал в губы. Знакомые нежные губы, которые временами могли становиться такими упрямыми и жесткими.

– Шейла, – пробормотал он супруге в ухо, все еще не отпуская ее, – я так рад, что ты вернулась. Эти два дня показались мне веками.

Шейла улыбнулась, прикоснулась к его губам кончиками пальцев так, словно хотела, чтобы он замолчал, и направилась в спальню. Шейла шла выпрямившись, с гордо поднятой головой, не раскачиваясь из стороны в сторону. Ее походка напомнила ему, и не в первый раз, девочку, с которой у него была связь вскоре после прибытия в Нью-Йорк. Его возлюбленная была начинающей актрисой, с такими же темными волосами, как у Шейлы, и мама ее тоже была итальянкой. В своей генетической памяти она, как и Шейла, видимо, хранила воспоминания о женщинах, шагавших с тяжелыми кувшинами на голове по выжженным солнцем тропам Калабрии. Ее звали Антуанетта Брэдли, и Деймон любил ее чуть ли не целый год, полагая, что она его тоже любит. Дело дошло до того, что он даже начал поговаривать о женитьбе. Но оказалось, что девица любит вовсе не Деймона, а одного из его лучших друзей, Мориса Фицджеральда, с которым он делил квартиру на Манхэттене. Чтобы решить, за кем останется квартира, они бросили монету, и Деймон проиграл.

– Таков жребий, – произнес Морис, когда Деймон принялся паковать вещи.

Через некоторое время Морис Фицджеральд и Антуанетта Брэдли отбыли в Лондон. До Деймона дошли слухи, что они поженились и окончательно осели в Англии. Он не видел их более тридцати лет, но не забыл того, как Антуанетта вошла в их жилье и каким тоном Фицджеральд произнес: «Таков жребий».

Воспоминания заставили его вздохнуть, а добывая на кухне лед для выпивки, он припомнил те далекие довоенные и первые послевоенные дни, когда был

актером и еще не утратил надежды на удачу, которая могла позволить ему прорваться в звезды. Безнадежно плохим артистом Деймон не был – он постоянно получал небольшие роли, и этого хватало, чтобы обеспечить ему вполне комфортное существование. В то время ему и в голову не могло прийти, что в будущем он может заняться чем-то иным, кроме театра, не считая кино, разумеется.

Его жизнь радикально изменилась в конце сороковых годов во время репетиции одной из пьес. Мистер Грей, представлявший в театре интересы драматурга, появляясь время от времени на репетициях, любил, сидя в задних рядах темного партера, шепотом беседовать с Деймоном. Беседы проходили в те долгие периоды, когда в присутствии Деймона на сцене не было нужды. Грея заинтересовало его мнение о пьесе, и Деймон не только честно заявил, что, по его мнению, спектакль провалится, но и объяснил, почему именно. Соображения артиста произвели на мистера Грея впечатление, и он сказал, что Деймон занялся театральным бизнесом не с того конца. Грей как бы между прочим заметил, что если молодому человеку когда-нибудь нужна будет работа, то для него найдется место в принадлежащем ему агентстве.

– Вы честно высказали мнение о пьесе, – сказал он. – Вы – умный, хорошо образованный молодой человек и можете принести мне пользу. На сцене вы мне не кажетесь достаточно убедительным, и я почти уверен, что вам не удастся покорить публику. Если вы попытаетесь продолжать карьеру артиста, то, по моему мнению, в конце концов пополните собой армию разочарованных неудачников.

Через две недели, когда спектакль был снят, Деймон оказался в конторе мистера Грея.

Принеся из кухни лед и готовя напитки, Деймон с гримасой недовольствия припомнил слова мистера Грея. Сегодня, фигурально выражаясь, он снова находится на сцене перед аудиторией, состоящей из одного человека. Он постарается сыграть как можно лучше, но с годами его актерские способности не возросли, и Деймон был почти уверен в том, что выступит не очень убедительно. Ему, видимо, предстоит долгая ночь.

– Оливер... – обратилась Шейла к Оливеру Габриельсену, сделав заказ официанту крошечного ресторана в центре города, где, как она считала, шансов наткнуться на мужа почти не было. – ...Оливер, я позвонила тебе так рано вчера утром, поскольку не хотела, чтобы он узнал о нашей встрече. Роджер только-только ушел на работу.

Она приглашала Оливера на ленч в полдень того же дня, но у него уже была назначена встреча, отменить которую он не мог. Поэтому их свидание состоялось только во вторник.

– Моя жена полна подозрений, – сказал Оливер. – Она не привыкла, чтобы мне во время завтрака звонили дамы и назначали свидания. Постоянно утверждает, что ты убийственно красива. Несколько старомодной красотой, – произнес он и, потянувшись через стол, прикоснулся к руке Шейлы. – Самый опасный тип красоты, утверждает она. Кроме того, она постоянно твердит, что я ищу себе мамочку в возрасте, чтобы залезть к ней в постель. Она завидует и пытается во многом тебя копировать. Кстати, ты обратила внимание, что с прошлого года она носит такую же прическу, как и ты?

– Обратила. Но если желаешь услышать правду, то, по моему мнению, прическа мрачновата для ее молодежавшего личика, – сказала Шейла, опустив эпитет «заурядного», который сделал бы описание более полным. Шейла была не в восторге от Дорис Габриельсен и считала, что Оливер заслуживает лучшей участи.

– А однажды я случайно подсмотрел, как она перед зеркалом копировала твою походку, – добавил Оливер.

– Это у нее никогда не получится, – бросила Шейла. Описание подробностей чужой супружеской жизни вызвало у нее раздражение. – Для этого ей надо обладать врожденной грацией. Прости, что я говорю о ней как последняя стерва. Дело в том, что она своим видом постоянно напоминает мне, насколько я стара.

– Извиняться не надо, – сказал Оливер. – Иногда она ведет себя не менее стервозно. Сегодня утром вдруг заявила, что твое желание встретиться со мной наедине выглядит чертовски странно. Дорис взбеленилась, когда я сказал, что не имею ни малейшего представления, почему вдруг тебе понадобился. Заявила, что я вру. Жена постоянно внушает мне, что ты, Роджер, я и она не квартет,

а трио и еще полчеловека, причем этой половинкой является она.

- Мне очень жаль.

- Это идет нам на пользу, - пожал плечами Оливер. - Ты помогаешь держать необходимый уровень напряжения в семейной жизни.

- Хорошо, мы сочиним для нее какую-нибудь историю, но правды ей не говори, так как речь пойдет о Роджере, - сказала Шейла.

- Я так и подумал.

- Пусть все останется строго между нами. Я уезжала на два дня, и за время моего отсутствия, видимо, что-то случилось. Он ведет себя чрезвычайно странно - во всяком случае, для него. Тебе известно, он обожает ходить пешком...

- Если бы ты знала, как я от этого страдаю, - сказал Оливер. - Когда у нас назначена встреча в городе, пусть даже в другом конце, Роджер отказывается брать такси, а подземку, как ты знаешь, он презирает. Я сказал ему, что специально приобретаю пару альпийских ботинок. Кроме того, он шагает так быстро, что я прихожу на место, задыхаясь и истекая потом. Роджера ходьба держит в хорошей форме, а мне постоянно напоминает о том, что все мои родственники по мужской линии скончались в молодом возрасте от сердечных болезней.

- Ладно, - продолжала Шейла, - в хорошей форме или нет, но когда в воскресенье мы отправились в ресторан поужинать, он настоял на том, чтобы взять такси. А ходу до ресторана от нашего дома каких-то десять минут. Домой мы возвращались также на такси. Роджер сказал, что по вечерам стало очень опасно ходить. Мы вернулись домой, и он тут же завел речь о домовладельце, который не желает починить домофон, и о том, что в нашу квартиру днем и ночью может проникнуть каждый кому не лень. Кроме того, он объявил, что намерен поставить новую входную дверь - стальную, с цепочкой, глазком и сложным замком. Но и это еще не все. Роджер хочет поменять номер нашего телефона и не включать его в справочник. Ты ведь знаешь, что он не трусливого десятка - я сама видела, как он разнимал двух здоровенных дерущихся мужчин. Теперь же я не могу от него добиться ответа, почему он вдруг стал таким

пугливым. Он даже сказал, что, возможно, нам придется переехать в один из ужасных многоквартирных домов с этой... как ее... системой безопасности. Ты знаешь – телевизоры в лифтах, швейцары у дверей, телефонный коммутатор, по которому каждый визитер должен сообщать свое имя и ждать, пока о нем объявят.

Шейла встревоженно покачала головой и продолжила:

– Все это так на него не похоже. Он обожает нашу квартиру и, как правило, терпеть не может что-либо менять. Я много лет донимала его, чтобы обновить стены – вся краска на них облупилась, а он отказывался меня слушать. Он не желает избавиться хотя бы от части книг, заполонивших наше жилище.

Оливер кивнул в знак согласия и произнес:

– Когда я робко заикнулся о том, что, может быть, наступило время перебраться в более просторный офис, он зарычал, как медведь, и прочитал мне длинную лекцию о прелестях скромной жизни.

– По правде говоря, – сказала Шейла, – я просто ошеломлена. Прошло всего два дня, а я возвратилась практически к другому человеку. – Она снова покачала головой. – Я делала все, чтобы добиться от него объяснения, но Роджер сказал, что таково веление времени, а мы обитаем в раю для дураков, и он вдруг это понял. Я заявила, что это полная чушь и что я ему не верю. Затем мы, естественно, разругались, а среди ночи я вдруг услышала, как он бродит туда-сюда по гостиной, увидела, что он включил все лампы. Обычно он спит так, словно его трахнули молотком по черепу. Честно говоря, я очень встревожена. Он разумный человек, а все это настолько иррационально... Я решила встретиться с тобой, чтобы спросить, не заметил ли ты что-нибудь...

Оливер молчал, ожидая, пока официант закончит расставлять перед ними тарелки. Он барабанил пальцами по столу, серьезно глядя на Шейлу печальными светло-серыми глазами.

– Да, – сказал он, когда официант удалился, – что-то действительно происходит. Вчера утром, появившись на работе, он долго расхаживал по офису, а затем принялся изучать замок на входной двери. Мы ее всегда держали открытой. Что у нас можно украсть, кроме тысячи отвергнутых рукописей? Изучив замок,

Роджер обратился к нашей милой секретарше мисс Уолтон и потребовал, чтобы та обеспечила замену дверей. Новые двери, заявил он, должны иметь окно с пуленепробиваемым стеклом, какие устанавливают в банках. Кроме того, дверь следует оборудовать домофоном, чтобы иметь возможность общаться с посетителями. Но и это еще не все. С этого момента мы не смеем поднимать трубку телефона. Лишь мисс Уолтон станет отвечать на звонки и будет соединять нас, предварительно выяснив, кто звонит и по какому поводу. Когда я спросил, не собираемся ли мы переключиться на торговлю алмазами, Роджер сурово ответил: «Это не предмет для шуток». Затем он пояснил, что многие учреждения в городе стали объектами грабежа и что ему известен случай, когда секретаршу изнасиловали в обеденный перерыв на ее же письменном столе. Ты знакома с мисс Уолтон – ей под шестьдесят и тянет она не меньше чем на двести фунтов. Я заметил, что она, случись с ней подобное, наверное, была бы в восторге, и тут же получил отповедь. «Оливер, – сказал Роджер, – в твоём характере заметны элементы легкомыслия или даже фривольности. Я давно обратил на это внимание, но молчал. Теперь же я вынужден сказать тебе, что не одобряю подобное поведение». После такой речи мне ничего не оставалось, кроме как заткнуться.

– Ну и что ты можешь по этому поводу сказать?

– Не знаю, – пожал плечами Оливер. – Возможно, это деньги. Он к ним не привык. Они для меня тоже в новинку, однако я не собираюсь покупать бронестекло только потому, что за двадцать лет одна из наших книг случайно оказалась бестселлером. Может, возраст?

– За два дня люди не стареют, – нетерпеливо бросила Шейла. – Враги у него есть?

– У кого их нет? Но почему ты спрашиваешь?

– У меня ощущение, что за время моего отсутствия ему кто-то угрожал. И он реагирует на эту угрозу.

– Что бы ни говорили о нашей профессии, – произнес Оливер, – никто не осмелится утверждать, что она не относится к числу наиболее мирных. Писатели не бегают по улицам и не убивают людей, если они не Хемингуэи, а, к сожалению, Хемингуэев среди наших авторов не имеется. Конечно, Мейлер

пырнул одну из своих жен перочинным ножом, но и Мейлеров среди наших тоже не водится. – Попытавшись изобразить успокоительную улыбку и еще раз погладив Шейлу по руке, он продолжил: – Может, это не более чем настроение? Может, он впал в меланхолию из-за того, что ты уезжала, и она просто таким образом проявляется?

– Мне приходилось уезжать и дольше чем на два дня, – возразила Шейла, – а он тем не менее не предлагал начать жить в крепости.

– Возможно, он ухитрился скрывать свои настроения, а эти два дня оказались той соломинкой, которая сломала спину верблюда?

– Литературные аллюзии не способны решить эту проблему, – резко бросила Шейла. – Ты можешь мне еще что-нибудь сообщить?

Видимо, не зная, что ответить, Оливер в задумчивости потрогал вилкой разложенную на тарелке снедь.

– Одну вещь, пожалуй, могу. Точнее – две вещи.

– Что именно? – жестким тоном спросила Шейла. – И не пытайся что-нибудь скрыть, Оливер. Во всяком случае, от меня.

– Хорошо, – с видимой неохотой начал он, – в эти субботу и воскресенье он должен был прочитать рукопись. Автор – женщина, которая до сих пор приносила нам удачу. Кроме того, Роджер чрезвычайно педантичен во всем, что касается работы, и обычно читает книги быстро. Однако утром в понедельник он, швырнув рукопись на мой стол и заявив, что никакого мнения о ней не составил, попросил меня прочитать ее и сказать, годится она на что-нибудь или нет. Когда оказалось, что сочинение вполне приличное, он сказал, чтобы я занялся контрактом, хотя до этого сам вел дела с этой клиенткой. О, я забыл заказать выпивку. Ты ничего не имеешь против бокала вина?

– Забудь про вино. Ты сказал – две вещи. Итак, что еще?

Оливер явно был смущен.

– Не знаю, Шейла, захочешь ли ты это услышать, – сказал он.

– Я должна помочь Роджеру, – ответила она. – Так же как и ты. Мы не сможем сделать этого, если станем скрывать друг от друга важные вещи. Выкладывай.

– Роджер как-то сказал мне, что ты напоминаешь ему Медею, – произнес Оливер, пытаясь оттянуть начало своего рассказа. – Теперь я вижу, что он имел в виду.

– Да, я готова убить всякого, кто желает причинить вред моему мужу, – тихим и ровным голосом сказала Шейла. – Но это не имеет ничего общего со словами одного молодого человека, который прочитал так много греческих мифов, что даже знает, кем была Медея.

– Я твой друг, Шейла, – обиженно протянул Оливер. – Твой и Роджера. И ты это знаешь.

– Тогда докажи это, – сказала Шейла без каких-либо проявлений сочувствия. – Итак, что еще?

Оливер откашлялся, словно у него что-то застряло в горле, и выпил полстакана воды.

– А еще вот что, – произнес он, ставя стакан на стол. – Я случайно услышал, как он просил мисс Уолтон позвонить в мэрию и узнать, каким образом можно получить разрешение на ношение пистолета.

Шейла закрыла глаза.

– Боже мой, – прошептала она.

– Вот именно, боже мой, – эхом откликнулся Оливер. – Что ты намерена сказать Роджеру?

– Я слово в слово передам ему наш разговор, – ответила Шейла.

– Роджер мне этого никогда не простит.

- Что будет очень плохо, - ответила она.

Глава 5

Деймон нетерпеливо посмотрел на часы. Он позвонил своей бывшей супруге Элейн и предложил встретиться в этом ресторане в час дня. Час двадцать. Она постоянно опаздывала, что стало одной из многих причин их развода. С тех пор она в этом отношении не изменилась. Не изменила Элейн и остальным своим привычкам. Она по-прежнему выкуривала по три пачки сигарет в день, пила с утра до вечера и просаживала на азартные игры все деньги, которые попадали ей в руки. Вокруг нее постоянно витал густой дух смеси табачного дыма с алкоголем, и самый заурядный поцелуй в щеку становился для Деймона серьезным испытанием. Она и одевалась небрежно, что делало ее похожей на девчонку из какого-нибудь Нортхэмптона, бегущую в школу дождливым утром. Даже теперь, когда ей перевалило за шестьдесят, изрядно располневшая, она могла появиться в ресторане в джинсах и в просторном, на два размера больше, свитере. То, что в молодости представлялось отсутствием тщеславия и вызывало восхищение, теперь казалось нарочитой попыткой пожилой женщины сохранить молодость.

Когда Деймон впервые встретился с Элейн, она работала в книжном магазине. Премиленькая девчонка с веселым, озорным личиком и длиннющими рыжими волосами. Элейн обладала острым, быстрым умом и щедрым, способным на сострадание сердцем. Однако ее легкомысленное обращение с деньгами, лень и небрежность, с которыми она относилась к себе, к нему и дому, плюс три ее пагубных пристрастия погубили их брак. Они поженились торопливо, всего через десять дней после первой встречи и до этого друг с другом не спали. Открывшаяся после первой же ночи сексуальная несовместимость - они не могли удовлетворить друг друга - нанесла сильнейший удар по семейной жизни, от которого в конечном итоге они так и не оправались.

Несмотря на все это, расстались они вполне мирно и, сбросив с себя бремя физических обязательств, остались друзьями. Литературные вкусы Элейн носили эклектичный характер и были не свободны от внешнего влияния. Но иногда он просил бывшую жену прочитать рукопись, и ее советы, как правило, оказывались полезными. Деньги она стала у него просить лишь три года назад,

после того как умер ее второй муж. Супруг Элейн был профессиональным игроком, и большую часть времени она проводила с ним в Лас-Вегасе или на ипподромах в разных уголках страны. В зависимости от того, насколько быстро бежали лошади или как вращалось колесо рулетки, она то купалась в роскоши, то закладывала драгоценности, которыми в периоды везения осыпал ее муж.

Деймон никогда не был скрягой. Даже испытывая недостаток в средствах до выхода «Надгробной песни», он не ворчал бы, отдавая ей незначительные суммы, если бы не знал, что деньги окажутся в руках продавцов винных лавок, букмекеров или более удачливых, нежели Элейн, игроков в триктрак. В такие дни он приходил домой мрачнее тучи, вызывая неодобрительные реплики Шейлы как в свой адрес, так и в адрес его бывшей супруги.

Тем не менее Элейн продолжала казаться ему забавным созданием. Правда, сегодня, думал он, мрачно посматривая на часы, забавного разговора явно не получится.

И вот он увидел, как Элейн идет по залу ресторана, близоруко высматривая его среди посетителей. У нее теперь была короткая стрижка, волосы, чтобы скрыть седину, были выкрашены в ярко-пурпурный цвет. Деймон, не без чувства благодарности, обратил внимание на то, что одета Элейн в пристойное темно-синее платье, а на ногах – не обычные стоптанные мокасины, а туфли на высоких каблуках. Запах, однако, остался все тот же, подумал он, чмокая ее в щеку.

Лицо Элейн оказалось на удивление моложавым, на нем почти не было морщин, и глаза, как ни странно, оставались ясными.

– Прекрасно выглядишь, – сказал он, когда они сели за столик. – Очень шикарно, если позволишь мне так выразиться.

– Мы поставили на правильных лошадок, – сказала она, – а это благотворно сказывается на самочувствии. Кроме того, у меня новый приятель, и он настоял на том, чтобы я спалила все мои старые наряды.

– Хороший человек, – заметил Деймон, думая о том, что даже когда ей стукнет восемьдесят, у нее будут появляться новые приятели.

Элейн слегка придвинулась, чтобы лучше рассмотреть его.

– А ты в отличие от меня выглядишь скверно. В чем дело? Неужели от тебя отвернулась удача?

– Я попросил тебя прийти сюда не для того, чтобы обсуждать мое здоровье, – сказал Деймон. – Для этого были совсем другие причины.

– Если речь пойдет о деньгах, которые я тебе должна, – Элейн всегда делала вид, что берет деньги не просто так, а в долг, – то я, возможно, сумею выдавить их, хотя бы частично, у своего дружка. Он – реализатор.

– И что же он реализует? Исподнее белье для дам сомнительного поведения?

Элейн спокойно улыбнулась в ответ. Язвительная шутка Деймона ее совершенно не тронула. Она всегда отличалась спокойным нравом. Лишь изрядно надравшись, леди начинала оскорблять всех, кто попадал в поле ее зрения.

– Игрные автоматы. Они приносят неплохой доход, хотя ему приходится приглашать на деловые ужины весьма своеобразных джентльменов.

– Вот по этой причине я и пригласил тебя на ленч, – сказал Деймон. – Все время, что я тебя знаю, ты, со своей склонностью к азартным играм, постоянно якшалась с весьма своеобразными джентльменами. Весьма странными, с моей точки зрения, конечно. Наездники, тренеры, букмекеры, беговые жучки, профессиональные игроки и бог знает кто еще.

– Любая девушка имеет право выбирать себе друзей, – с достоинством произнесла Элейн. – Во всяком случае, с этими ребятами мне было гораздо веселей, чем с ужасными писателями, которых ты притаскивал домой. Они, кроме как о Генри Джеймсе, ни о чем и потолковать не могли. Однако если ты вознамерился читать мораль, то мне лучше сразу удалиться. – Элейн приподнялась, но он жестом попросил ее остаться на месте и сказал:

– Сиди, сиди. – Подняв глаза на стоящего перед столом официанта, Деймон спросил: – Что будешь есть?

– А разве ты не хочешь предложить мне выпить? Или ты все еще не закончил крестовый поход за мой трезвый образ жизни?

– Совсем забыл. Итак, что ты будешь пить?

– А ты что пьешь? – спросила она, показывая на стоящую перед ним маленькую рюмку.

– Херес.

– Ужасная гадость, – скривилась она. – Смерть для печени. В это время лучше всего идет водка со льдом. Ты что, забыл?

– Прекрасно помню. Одну водку со льдом, пожалуйста, – сказал Деймон, глядя на официанта.

– Еще один херес, сэр? – спросил тот.

– Ограничусь этим, – ответил Деймон. – Можете нести и остальной заказ.

Ресторан славился французской кухней, однако Элейн, даже не глядя в меню, заказала гамбургер с жареным луком.

– Как вижу, ты все еще предпочитаешь эту отраву, – сказал Деймон.

– Стопроцентная американская девочка, – со смехом ответила Элейн. – Или стопроцентная американская леди, учитывая мой возраст. Итак, с какой стати тебя вдруг так заинтересовали мои малопочтенные друзья?

Деймон сделал глубокий вдох и начал говорить внятно и медленно – так, чтобы Элейн все поняла. Он передал ей слово в слово свой телефонный разговор с Заловски, прервавшись лишь на секунду, когда официант вернулся с водкой. Запомнить ночную беседу было совсем не трудно.

По мере продолжения его рассказа Элейн мрачнела все больше и больше. Она не притронулась к рюмке до тех пор, пока он не замолчал. Затем, одним глотком ополовинив рюмку, она сказала:

– Ну и сукин же сын этот твой ночной тип. Неудивительно, что у тебя такой вид. Имеются ли у тебя знакомые по фамилии Заловски?

– Нет. А у тебя?

– Тоже нет. Я спрошу Фредди – так зовут моего друга, – но боюсь, что шансов мало.

– Не позволяет ли себе Фредди слегка развлечься, занимаясь вымогательством в свободное от реализации игорных автоматов время?

– Вполне возможно, – ощущая некоторую неловкость, ответила Элейн, – но только в сфере своего бизнеса.

Она прикончила водку и постучала ногтем по рюмке, чтобы показать проходящему мимо официанту, что желает повторить.

– О тебе ему, естественно, известно, – продолжила она, – но это его трогает не больше тех событий, которые произошли еще во времена Гражданской войны. Литературные агенты, в отличие от агентов ФБР, его не занимают, а круг чтения ограничен программками скачек.

– Ты бываешь в Чикаго?

– Время от времени, когда в Арлингтоне проводятся большие скачки или когда Фредди просит сопровождать его в деловой поездке. Мы останавливаемся там по пути в Лас-Вегас.

– Не исключено, – сказал Деймон, – что кто-то решил меня разыграть, и по его представлению, эта гнусность – не более чем шутка.

– Мне это розыгрышем не кажется, – покачала головой Элейн. – Не хочу тебя пугать, но дело, по моему мнению, весьма серьезное. Смертельно серьезное. Как ты намерен поступить, когда он опять позвонит?

– Не знаю. Может, у тебя есть какие-нибудь соображения?

– Дай подумать. – Элейн отпила водку из второй рюмки и закурила сигарету, стараясь рукой отогнать дым в сторону. – Я знакома с детективом из отдела расследования убийств, – немного помолчав, сказала она. – Не хочешь, чтобы я с ним поговорила? Узнаем, как, по его мнению, тебе следует поступить.

– Словосочетание «расследование убийств» мне что-то не очень по душе, – ответил Деймон.

– Прошу прощения, – обиделась она, – но других копов я не знаю.

– Конечно, поговори с ним. И большое тебе спасибо.

– Я позвоню и скажу, что он посоветовал.

– Но только звони в офис. Я не хочу, чтобы жена поднимала трубку, когда Заловски позвонит в следующий раз.

– Послушай, неужели ты не рассказал ей о том, что тебе угрожали?

Уловив в ее голосе нотки осуждения, Деймон признался:

– Мне не хотелось ее волновать без особой необходимости.

– Как это «без особой необходимости»? Неужели ты не можешь сообразить, что опасность грозит не только тебе, но и ей? Или ты считаешь, что если охота на тебя сорвется, то охотник пойдет с горя записываться в бойскауты? Нет, он постарается захватить ее.

– В подобных делах у меня нет такого опыта, как у тебя, – бросил Деймон, понимая, что Элейн права и что он реагирует на ее упрек необоснованно резко.

– То, что я несколько раз в год посещаю Вегас, не дает тебе права говорить со мной так, будто я королева мафии и ее главный ствол, – с неподдельным гневом сказала Элейн. – Я просто исхожу из обычного здравого смысла.

– Думаю, что ты права, – неохотно признал он. – Я ей все скажу.

«Дома мне предстоит еще одна незабываемая ночь», – думал Деймон, проследив за тем, как официант ставил перед Элейн ее гамбургер, а перед ним – филе из палтуса.

– Ты не собираешься заказать немного вина? – спросила Элейн.

– Ах да, конечно. Чего бы ты хотела?

– Чего ты хочешь? Вино обычно выбирает хозяин, а, как мне кажется, приглашал на ленч ты.

– Я не люблю пить в середине дня, – сказал он.

Когда бы он ни находился рядом с Элейн, ему всегда было трудно говорить так, чтобы его слова не выглядели ханжескими.

– Полбутылки «Божоле», – сказала она официанту.

В старые времена она заказала бы целую бутылку. Не исключено, что Элейн становится более умеренной, подумал он.

– Заловски из Чикаго... – произнесла она так, словно говорила сама с собой, одновременно обильно сдабривая свой гамбургер кетчупом. – Ты не представляешь, как он может выглядеть?

– Я разговаривал с ним по телефону всего пару минут, – ответил Деймон, – но попытался по голосу мысленно нарисовать его портрет. Сорок – сорок пять лет. Плотного сложения. Одевается вызывающе броско. Никаких намеков на образование.

– И что ты уже сделал? – спросила Элейн.

– Я мало что могу сделать. По крайней мере сейчас. Ах да! Я обратился за разрешением на ношение оружия.

– Не думаю, что это удачная мысль, – с недовольной миной заметила Элейн. – Знаешь, что бы я сделала на твоём месте, Роджер? Я бы начала составлять

список.

– Какой список?

– Список людей, которые могут иметь на тебя зуб – психов, являвшихся в твою контору и получивших от ворот поворот, типов, считающих, что ты их когда-то надул, дамочек, которых ты списал за ненадобностью, а также мужей и возлюбленных тех дам, которых ты не успел вовремя списать...

Элейн улыбнулась, и ее лицо снова обрело шаловливое выражение, как у женщины без возраста.

– Боже, ну и списочек это будет... – продолжила она. – Да, не забудь заглянуть и в прошлое. Некоторые люди тихо пестуют свои обиды многие годы, а к старости становятся невротиками. Им может не повезти в жизни, и они примутся искать виноватого. Или они посмотрят фильм, где хороший парень мстит врагу или страдает отвергнутая женщина. Да мало ли что еще... Это может быть какой-нибудь безумный писатель, притащивший тебе когда-то рукопись. А ты, даже не удосужившись прочитать ее, отослал опус назад с формальной отпиской в одну фразу. Теперь этот парень прочитал «Надгробную песнь», увидел ее в списке бестселлеров и решил, что это плагиат и ты украл его идею. Господи, я провела без тебя столько лет, но могла бы с полпинка составить порядочной длины список. И не ищи ответа на загадку в фамилии. Она может абсолютно ничего не значить. Когда будешь говорить с детективом – его фамилия Шултер, – не стыдись поведать ему о своих амурных похождениях. Он может найти какую-нибудь зацепку. Выудить деталь, которая прошла мимо твоего внимания...

Элейн вдруг замаялась, держа перед собой высоко поднятую вилку. Затем, видимо, преодолев нерешительность, она продолжила:

– Было бы неплохо, если бы ты попросил свою жену хорошенько оглянуться на ее прошлое. Как я слышала, она женщина красивая, или была красивой, а я не знаю ни одной красивой женщины, которая не хранила бы в тайне от всех мешок страданий или ни разу не напоролась на подлинного мерзавца. Кроме того, она наполовину итальянка, а ты знаешь, какие связи имеют итальянцы – связи, которые они не склонны афишировать.

– Умоляю, оставь итальянский след в покое. Ее дядя владел гаражом в Коннектикуте.

Эти слова были отголоском их прежних сражений. Элейн происходила из добропорядочной немецкой семьи, осевшей в Висконсине, что объясняло ее целомудрие до брака, которое после расторжения их союза куда-то испарилось. Элейн твердо верила во врожденную непорядочность итальянцев, греков, евреев, стюардесс авиалайнеров, ирландцев и шотландцев. Если бы ей довелось встретить болгарина или выходца из Монголии, то она наверняка решила бы, что эти типы тоже не заслуживают доверия.

Элейн с каменным выражением лица следила за тем, как официант наливает вино. У молодого человека была темная шевелюра, и он напоминал обитателя Средиземноморья. Деймон надеялся, что парень не слышал слов его бывшей супруги об итальянцах.

Официант удалился. Элейн наполовину опустошила бокал и возобновила свою речь.

– Итак, дядя имел гараж в Коннектикуте, – сказала она. – Держу пари, там сыщется еще восемь дядюшек, которые в жизни не видели гаража, но зато имеют представление о вещах, которые время от времени вызывают живой интерес полиции.

– Я сказал, не трогай ее итальянское происхождение.

– Ты попросил меня помочь. – Теперь она чувствовала себя оскорбленной. – Какой смысл говорить тебе то, что я думаю, если ты не хочешь меня слушать?

– О'кей, о'кей, – устало проговорил он, – я составлю эти списки.

– И внимательно изучи список своей жены, – напомнила Элейн. – Надеюсь, что, закончив его читать, ты все еще останешься женатым человеком. И еще, пожалуйста, – голос ее стал мягче, – береги себя. Не позволяй, чтобы с тобой что-то случилось. Я должна быть уверена в том, что ты в порядке и находишься где-то неподалеку. Сегодня, впрочем, как и всегда, я страшно рада тебя видеть. Не знаю, правда, почему. Будем притворяться, пока не кончится вино, что у нас с тобой романтическая, ностальгическая встреча и что ты мой расчудесный

старинный любовник, чье разбитое сердце болит вот уже тридцать лет, с того момента как мы расстались.

Она наполнила свой бокал и, подняв его как для тоста, сказала:

– А теперь забудем, хотя бы на время, о делах и попытаемся получить удовольствие от того, что можем пить и есть, сидя рядом и не испытывая желаний прикончить друг друга. Скажи, как по-твоему, не пора ли мне сделать очередную подтяжку?

Глава 6

Деймон медленно шагал на работу, перебирая в уме все то, что во время ленча, отрываясь от рюмки, говорила Элейн. Он шел, не замечая окружающих. Имена людей, которых он встречал в течение своей долгой жизни, никак не желали выстраиваться в его голове в четком, логическом порядке, как того требовала Элейн. Они кружились перед его мысленным взором в странном хороводе. В какой-то момент Деймон вдруг заметил, что к нему приближается немного сутулый, невысокого роста старик с толстенными очками на носу. Старец был в черном пальто с меховым воротником. Среди всех знакомых Деймону людей такое пальто носил лишь один человек – Харрисон Грей.

– Харрисон! – воскликнул он и, протянув для пожатия руку, заспешил навстречу старику.

Тот, несколько опешив, одарил его недоумевающим взглядом. Такое обращение, видимо, его слегка напугало. Спрятав руки за спину, старик произнес:

– Вы, наверное, ошиблись, сэ. Меня зовут Грегор.

Деймон отступил назад, растерянно щурясь, и даже тряхнул головой, чтобы прочистить мозги.

– Прошу прощения, – выдавил он, чуть ли не заикаясь. – Вы очень похожи на моего старого друга. Не знаю, чем были заняты мои мысли. Мой друг умер...

Старик посмотрел на него с подозрением и втянул воздух носом, как бы желая уловить запах спиртного.

– Я пока не умер, – заявил он обиженно. – Надеюсь, вы способны это заметить.

– Простите меня... сэръ, – запинаясь сказал Деймон. – Видимо, я замечтался.

– По меньшей мере, – проскрипел старик. – А теперь, если позволите...

– Конечно. – Деймон отступил в сторону, чтобы дать своему собеседнику пройти.

Когда старик скрылся из виду, Деймон еще раз тряхнул головой и продолжил путь, чувствуя, как на спине проступает холодный пот. Он шел в офис, внимательно глядя, куда ставит ногу, а прежде чем переходить улицу, убеждался в том, что по ней не мчатся машины. Однако, подойдя к зданию на Сорок третьей улице, Деймон остановился и тупо уставился на выходящих и входящих людей. Он почувствовал, что не может войти в дверь, подняться на лифте, чтобы увидеть мисс Уолтон и Оливера Габриельсена за их столами. У него не было сил притворяться, будто все идет как обычно и что его сотрудники могут рассчитывать на его поддержку, продолжая заурядный рабочий день.

Останавливать мертвецов на улице! Он представил недавнюю сцену, его начала бить дрожь. Когда-то именно в этот час он и мистер Грей частенько отправлялись на ленч в ресторан «Алгонкин», расположенный в одном квартале к северу от их конторы. Очень часто ленч заканчивался тем, что они перемещались из обеденного зала в бар, где мистер Грей тихо выпивал рюмку бренди. Он делал это много лет и очень привязался к этому заведению.

Деймон почти машинально прошел на Шестую авеню, ныне именуемую «Авеню Америк» (Эй, амиго, а ты знаешь, что такое Америка? И сколько их всего, этих Америк?), свернул на Сорок четвертую улицу и вошел в бар гостиницы «Алгонкин», где после смерти мистера Грея появлялся крайне редко. В принципе бар ему нравился, и Деймон не позволял себе углубляться в поиск причин, в силу которых он после смерти друга и партнера стал избегать это заведение.

Ушедшие из жизни имеют свои права. Место, где Деймон мирно беседовал со стариком в тихое послеобеденное время, навеки зарезервировано для него.

В баре, кроме Деймона, никого не было, и бармен был ему не знаком. Он заказал коньяк, а не свой обычный скотч, припомнив, что мистер Грей (как странно, что даже после столь продолжительной дружбы он думает о нем как о мистере Грее, а не как о Харрисоне) больше всего любил «Бисквит Дюбошэ». Аромат напитка растревожил его память, и на какое-то мгновение он увидел рядом с собой мистера Грея. Присутствие старика не вселяло ужас или печаль, совсем напротив, оно приносило тепло, покой и утешение.

Последний раз он видел мистера Грея живым на вечере в честь десятилетия его совместной жизни с Шейлой. В их доме собралась небольшая компания из нескольких особенно симпатичных ему клиентов агентства и старинного приятеля Мартина Крюйза, который когда-то тоже был клиентом, но затем отбыл в Голливуд. Мартин стал высокооплачиваемым сценаристом, а все его дела вел специальный менеджер. В Нью-Йорк он прибыл для встречи с режиссером, и Деймон страшно обрадовался, услышав по телефону его голос за день до юбилея. Они были добрыми друзьями, а Мартин – порядочный и одаренный человек – всегда оказывался к месту в любой компании. Мартин написал два превосходных романа о жизни маленького городка в Огайо, в котором он родился и вырос. Но обе книги расходились еле-еле, и Крюйз сказал Деймону и мистеру Грею, что отправляется на Западное побережье.

– К дьяволу все это. Я сдаюсь, – заявил он. – Мне надоело умирать от голода. Количество ударов, когда долбишь головой каменную стену, должно иметь предел. Единственное, что я умею делать, это писать. Если кто-то желает платить мне за это деньги, то Бог им в помощь. Я попытаюсь не сочинять дерьмо, но если они захотят получить именно его, я выдам им навоза полной мерой.

Деймон знал его веселым, остроумным человеком, но теперь, во время приема аперитива перед ужином, он уже через несколько минут с грустью убедился в том, что его друг превратился в надутого, претенциозного пустозвона, непрерывно рассказывающего дурацкие анекдоты из жизни режиссеров и кинозвезд и затыкающего свой фонтан лишь для того, чтобы истерично хихикнуть. Слушая его, Деймон пребывал на грани нервного срыва.

Когда-то Мартин был крепко скроенным, немного склонным к полноте молодым человеком. Теперь же перед Деймоном стоял иссушенный, слегка смахивающий на скелет тип. Деймон догадался, что сценарист по меньшей мере два часа в день истязает себя аэробикой, а ест лишь фрукты и орехи. И все это для того,

чтобы сохранить как можно дольше фигуру балетного танцора. Мартин был подстрижен под пажа, волосы его блестели, имели неестественный цвет черного дерева и полностью прикрывали уши. На нем были черная водолазка и черные брюки. На его груди болталась массивная золотая цепь. Туалет довершал пиджак желтовато-коричневого или, может быть, бежевого цвета. Мальчик из маленького города в Огайо, который он когда-то описал в своих книгах, благополучно исчез.

Не пробыв в комнате и десяти минут, он успел поведать собравшимся, что последняя картина, которую он только что закончил, влетела в семерку, а следующая вообще явится эпическим творением, и им повезет, если они уложатся в десятку. Деймон не сразу понял, что семерка означает семь миллионов, а десятка – десять миллионов долларов.

Мистер Грей, явившись позже других гостей, ясно дал понять, что не одобряет этого человека, заявив:

– А, великий Крюйз! Вернулся наконец, чтобы принять парад своих несколько потрепанных, но все же верных ему войск.

Деймон осознал, что приглашение сценариста на ужин было ошибкой.

Мистер Грей отступил на шаг и, оглядывая Крюйза так, как смотрят на экспонат в музее, с издевательским восхищением произнес:

– Это что, униформа «Парамаунт»?

После этого Деймон понял, что Мартин Крюйз больше ему никогда не позвонит, сколько бы раз ни появлялся в Нью-Йорке.

Тем не менее вечер оказался очень приятным. Крюйз откланялся рано, выпив лишь содовой с лимоном, отщипнув кусочек от ломтика печеной ветчины и поковырявшись вилкой в салате, который Шейла положила ему на тарелку.

На следующее утро Роджер и Шейла уезжали на месяц в Европу, и друзья, уже побывавшие там, наперебой перечисляли места, которые семейство просто обязано посетить. Те, кто еще не был в Европе, громко им завидовали.

Мистер Грей произнес торжественную речь и подарил Деймону дневник в кожаном переплете, в который тот должен был заносить свои путевые впечатления. Шейле же он вручил похожий на логарифмическую линейку прибор в замшевом футляре. При помощи его можно было быстро переводить метры и сантиметры в ярды и дюймы, а также легко считать, сколько стоит иностранная валюта в долларах США.

Вечеринка закончилась поздно, но Деймон видел, что мистеру Грею страшно не хочется уходить. Поэтому, перед тем как попрощаться с другими гостями, он налил ему третье бренди и шепнул:

- Побудьте еще немного.

Шейла отправилась в спальню, чтобы упаковать кое-какие вещи, а Деймон, приготовив себе выпивку, погрузился в кресло, стоящее у торца кушетки, на которой расположился мистер Грей.

- Я должен извиниться, Роджер, что так поступил с Крюйзом, - сказал мистер Грей. - Ведь он все-таки был одним из твоих гостей.

- Чепуха, - ответил Деймон. - Каждый, кто является на вечеринку в Нью-Йорке в подобном наряде, заслуживает того, что получил Мартин.

- Я просто не смог сдержаться, - сказал мистер Грей. - Ты знаешь, я ничего не имею против кино. На самом деле я его даже люблю. И ничего не имею против людей, которые делают фильмы. Но когда такой талантливый человек, как Крюйз, ведет себя подобным образом... За последние десять лет он и двух связных слов не написал. Я искренне скорблю. Какая никчемная растрата, мой дорогой, какая потеря времени. В нашей конторе появлялись писатели, которым я сам советовал отправляться в Голливуд и не возвращаться. Я знал, что они будут чувствовать себя счастливее, перерабатывая чужой материал и освободившись от тяжелого бремени творчества. Кроме того, они будут за это получать хорошие деньги, что немаловажно, ибо я вполне понимаю стремление некоторых людей к материальным благам. И что самое важное, наш язык не пострадает, если они посвятят свою жизнь сочинению сценариев. Другим я советовал ехать в Голливуд, чтобы сделать одну картину - ради денег и для приобретения опыта. Я знал, что эти люди вернуться и займутся тем делом, для которого были рождены.

Отпив с грустным видом бренди, мистер Грей продолжил:

– Что же касается Крюйза, то здесь я испытал личное разочарование. Я думал, что формирую его талант и характер по своей модели. Увидев его одноактную пьесу на одной из тех презентаций, которые устраивает Библиотека Союза актеров, я с ним встретился и сказал, что он по природе своей не драматург, а романист. Пока он писал свою первую книгу, я целый год финансировал его. Крюйз был одним из самых многообещающих молодых людей, когда-либо появлявшихся в моем агентстве. И кем же он стал? Загоревшим на солнце петушком, кукарекающим на птичьем дворе. – Grimаса отвращения искривила его губы. – Стоит ли продолжать? В нашей профессии разочарование – тот товар, который мы можем получить с каждой утренней почтой.

Он неторопливо отпил бренди и помолчал несколько мгновений, задумчиво уставившись на тускнеющие янтарные угли в камине.

– И не только в нашей профессии, – с горечью добавил мистер Грей. – Например, мой сын.

– Что? – не скрывая удивления, спросил Деймон. Он знал, что мистер Грей когда-то был женат, но о сыне старик никогда не упоминал.

– Мой сын... – повторил мистер Грей. – Он торговец зерном. Фьючерсные сделки или что-то в этом роде. Во время войны он сумел сколотить состояние. А затем его преумножить. Выждал, когда цены рванут вверх, и продал зерно умирающим от голода миллионам людей в Европе и Азии. В юности он обладал блестящим умом, приближаясь к гениям. Сферой его деятельности были математика и физика. Он мог стать яркой звездой любого университета страны. Сын был единственным золотым плодом моего во всем остальном ужасного брака. Он использовал свой талант, но не по назначению. Крутился как белка в колесе и заключал сделки, обращая себе на пользу любое движение рынка и все прорехи в законах. Не так давно я прочитал, что сын стал самым молодым мультимиллионером Америки, сколотившим состояние собственными руками. И сделал он это с хладнокровием охранника концентрационного лагеря. Так было сказано в журнале «Тайм».

– Мне не попадался этот номер, – сказал Деймон.

– Я не ношу экземпляра в кармане, чтобы хвастаться этой информацией перед своими друзьями, – горько улыбнулся мистер Грей.

– Я даже не знал, что у вас есть сын.

– Разговор о нем причиняет мне боль.

– Вы и о своей жене почти ничего не рассказывали. Я решил, что это для вас неприятная тема.

– Жена умерла молодой, – пожал плечами мистер Грей. – Не очень большая потеря. Я был застенчивым мальчиком, а она почти блаженной. Она оказалась первой девочкой, позволившей мне ее поцеловать. Думаю, что и умерла она от стыда. Стыда за то, что существует и занимает место на планете. С момента рождения в ней не теплилось даже искорки подлинной жизни. У нее была душа рабыни. Сын, как я полагаю, стал тем, кто он есть, глядя на свою мать. Он, видимо, поклялся сделать все, чтобы превратиться в ее противоположность. А меня он презирает. При нашем последнем разговоре он сказал – и эти слова все еще звучат в моих ушах, – он сказал, что если я готов всю жизнь грызть сухую корку, сидя в углу, то он на это не согласен. – Мистер Грей издал короткий смешок и продолжил: – Итак, я все еще торчу в углу, а мой сын – самый молодой мультимиллионер в Америке, сколотивший состояние своими руками. – Мистер Грей вздохнул, допил бренди и вопросительно посмотрел на Деймона: – Как ты полагаешь, я могу выпить еще рюмку?

– Конечно, – ответил Деймон и наполнил его бокал.

Мистер Грей низко наклонил голову и вдохнул аромат напитка. Деймону показалось, что старик плачет и пытается это скрыть.

– Ну так, – наконец сказал он, не поднимая головы, – я задерживаю тебя не для того, чтобы ты рыдал со мной о моей неудавшейся личной жизни. Поздняя ночь и старец, немного перебравший бренди... – Конец фразы повис в воздухе. – Если тебе не трудно, Роджер... Я оставил портфель в прихожей, не мог бы ты его принести?

Деймон не торопился возвращаться с портфелем, давая возможность мистеру Грею осушить слезы. Он слышал громкое сморкание старика. Портфель оказался

тяжелым, и Деймон недоумевал, что носит в нем мистер Грей и с какой стати он притащил такой груз на вечеринку.

– А, вот и мы, – весело произнес мистер Грей, когда Деймон вошел в комнату. – Ты нашел его.

Он поставил рюмку и водрузил портфель на колени. Обычно он был набит рукописями, которые старик уносил домой, чтобы читать их по вечерам или в уик-энд. Мистер Грей ласково погладил потертую кожу и латунный замок. Затем, открыв портфель, он извлек оттуда небольшой флакон каких-то пилюль. Вытряхнув на ладонь одну, он поместил ее под язык. Деймон заметил, как трясутся покрытые сетью набухших вен и россыпью коричневых пятен руки старика.

– Бренди заставляет сердце сильно биться, – произнес мистер Грей так, словно извинялся за то, что, будучи гостем, употребляет продукт из собственных запасов. – Доктора меня предупреждали, но кто может прожить без греха? – Его голос как-то сразу окреп, а руки перестали дрожать. – Какой это был замечательный вечер! А Шейла, как всегда, выглядит просто великолепно. Неужели прошло десять лет? Боже, и куда только они улетают? – Мистер Грей был свидетелем на их бракосочетании. – Вы отлично подходите друг другу. Будь я моложе, я страшно завидовал бы твоему счастью и на твоём месте сделал бы все, чтобы это счастье не разрушить.

– Догадываюсь, на что вы намекаете, – чувствуя некоторую неловкость, вставил Деймон.

– Все эти неожиданные исчезновения из офиса во второй половине дня, телефонные звонки...

– Шейла и я достигли взаимопонимания, – сказал Деймон. – Своего рода молчаливого соглашения.

– Я вовсе не осуждаю тебя, Роджер. По правде говоря, я находил какое-то странное удовольствие в твоих послеобеденных эскападах, пытаюсь представить, что значит быть красивым и цветущим, подобно тебе, и что может чувствовать мужчина, которого домогаются женщины... Эти фантазии скрашивали мне даже самые унылые дни. Но ты уже немолод, пламя страсти

пылает не так ярко, и у тебя есть нечто более ценное, что следует бережно хранить...

– Разве не вы только что сказали: «Кто может прожить без греха»? – со смехом спросил Деймон, пытаясь перевести беседу на более легкомысленную тему. – А я ведь крайне редко пью бренди.

Мистер Грей тоже рассмеялся. Теперь они стали похожи на давних друзей, которые делятся в раздевалке спортивного зала своими мужскими похождениями.

– Ну ладно, – сказал мистер Грей. – По крайней мере действуй так, чтобы каждый раз уносить ноги без потерь.

Лицо старика стало серьезным, и он еще раз открыл портфель, который все еще держал на коленях. На сей раз он извлек на свет туго набитый пакет из плотной желтой бумаги.

– Роджер, – негромко начал мистер Грей, – я намерен просить тебя об огромной услуге. В этом конверте заключены годы работы и вся жизнь, полная надежд. Здесь – рукопись. – Он смущенно рассмеялся. – Я только что закончил эту книгу. Мою единственную книгу. Вряд ли я успею создать еще одну. В молодости я мечтал стать писателем. Пробовал писать, но ничего не получалось. Я прочитал слишком много чужих книг и мог понять, что мои творения ровным счетом ничего не стоят. Поэтому и занялся самым лучшим после сочинения книг делом. Так, во всяком случае, полагал. Я решил стать и капитаном, и кораблем, и лоцманом для продвижения в свет трудов хороших писателей. В некоторых случаях мне сопутствовал успех, но суть, как оказалось, заключалась не в этом. С возрастом я стал думать, что, проплавав столько времени в море слов, наблюдая за течением жизни, критикуя и редактируя, я, возможно, набрался достаточно мудрости, чтобы создать нечто такое, что поможет мне легче пережить закат моей жизни. Ты отправляешься в счастливое путешествие. Но могут выдаться и дождливые дни, когда ты не сможешь выйти из отеля. Возможно, тебе предстоят длинные дни в поезде или бессонные ночи. Ты можешь устать от чужой речи. Одним словом, надеюсь, что к возвращению домой ты успеешь ее прочитать. До этого времени никто – даже машинистка – не видел этой книги. – Он глубоко вздохнул и положил руку на горло, как бы пытаясь снять спазм. – Если ты скажешь, что книга удалась, я покажу ее другим. Если же ты найдешь сочинение скверным, я предам его огню.

Деймон взял пакет. На нем округлым почерком было выведено: «Харрисон Грей. “Одинокое плавание”».

– Мне не терпится прочитать, – сказал он.

– Умоляю, – пробормотал мистер Грей, – не вздумай взглянуть на первую строку до тех пор, пока не окажешься по меньшей мере в трех тысячах миль отсюда.

Путешествие одарило их всем, на что они надеялись, и даже сверх того. Они передвигались без всякого плана, лишь по настроению и находя новую радость в том, что все двадцать четыре часа в сутки принадлежали друг другу. Взявшись за руки подобно юным любовникам, они свободно бродили по набережным Сены и по берегам Тибра, по залам дворца Уффици, по тропам в Альпах Швейцарии и по мостам через каналы Большой Лагуны в Венеции. Они молча стояли перед собором в Шартре и взбирались на самый верх монастыря «Мон Сен-Мишель». Они вслух читали друг другу то, что Генри Джеймс писал о Париже, Раскин о Венеции, а Стендаль о Риме. На открытом воздухе, озаряемые весенним солнцем, они ели рыбный суп-буйабес в ресторане высоко над гаванью Антиба и поглощали тонкую лапшу с приправами на побережье Лигурийского моря.

Если бы не рукопись мистера Грея, то лучшего отдыха представить было невозможно. Когда Шейла спросила Деймона о книге, тот сказал, что она вполне на уровне. Но он соврал. Книга висела на нем мертвым грузом. Харрисон Грей, еще совсем молодым человеком, несколько месяцев плывал на паровом трампе среди островов в южной части Тихого океана, и книга, написанная в форме романа, была воспоминанием о тех экзотических путешествиях. Труд мистера Грея казался Деймону скучнейшей пародией на роман Конрада «Мальчишка».

Мистер Грей – утонченный человек, с изысканным вкусом, обладающий абсолютным слухом к слову, безошибочно указывающий на неточности в характере воображаемого героя, мгновенно улавливающий малейшую напыщенность или фальшь, бесконечно преданный литературе и делавший все для ее процветания, написал книгу столь банальную и примитивную, что Деймон, читая ее, чуть ли не рыдал, а душа его обливалась кровью. Он с трудом продирался через страницы, ни на одной из которых не было даже двух фраз, следующих друг за другом в нужном ритме и несущих в себе музыку и душу английского языка. Ближился конец путешествия, и Деймон страшился того момента, когда, вернувшись домой, он придет в офис и встретит там своего

старого любимого друга.

Но мистер Грей в который раз поступил как джентльмен и избавил Деймона от встречи. Когда в первый раз после возвращения, держа под мышкой рукопись, Деймон вошел в контору, на пороге его встретила рыдающая мисс Уолтон. Она в то время была почти изящной дамой, с кокетливо опущенной на лоб челкой волос мышиного цвета. Борясь со слезами, мисс Уолтон сказала, что не знала, где можно найти его в Европе, чтобы сообщить о том, что мистер Грей на прошлой неделе умер.

Той ночью, несмотря на то что Нью-Йорк уже был во власти лета, Деймон развел камин в гостиной и принялся страницу за страницей отправлять «Одинокое плавание» в огонь. Это было единственное, чем он мог почтить память своего друга.

Предаваясь воспоминаниям, Деймон все время смотрел на стоящий на стойке бара коньяк. Затем он вздохнул, поднял рюмку, осушил ее одним глотком, расплатился с барменом и вышел из отеля.

На сей раз он не стал шагать домой обычные две мили. Ему предстояла длинная тревожная ночь с женой – ночь признаний, объяснений и страхов, – и у Деймона не было ни малейшего желания встретить на улице по пути домой еще кого-нибудь из известных ему мертвецов.

Он остановил такси и, не вступая в беседу с шофером, доехал до дома.

Глава 7

Когда утром, уходя на работу, он целовал Шейлу, та казалась спокойной, но несколько утомленной и погруженной в себя. Это была изнурительная ночь, которая началась с того момента, когда он, едва переступив порог, услышал:

– Что должна означать твоя затея с пистолетом?

– Как ты узнала о пистолете? – ответил он вопросом на вопрос, уже сожалея о том, что даже один день держал ее в неведении о случившемся.

– У меня был ленч с Оливером. Он беспокоится о тебе не меньше, чем я.

– Ну ладно, – сказал он. – Садись. Надо поговорить. И разговор будет долгим.

Затем в тех же словах, что и в разговоре с Элейн, он сообщил ей о ночном телефонном звонке. Он также пересказал Шейле большую часть (но отнюдь не все) из того, что бывшая супруга говорила о составлении списка людей, потенциально способных причинить ему вред. Из страха обидеть Шейлу и опасаясь, что та может заподозрить его в недоверии, он не упомянул о совете составить перечень и ее личных знакомых. По несколько иным соображениям он опустил и имя звонившей ему не так давно женщины из Чикаго. Когда-то у него была с ней связь. Ее семья, как и она сама, могли планировать месть, либо угрожая физической расправой, либо прибегая к шантажу и вымогая крупные суммы.

– Мне не хотелось об этом спрашивать, Шейл, – сказал он после многочасовой дискуссии, которая давно уже шла по кругу без всяких, как ему казалось, результатов, – но нет ли человека, имеющего зуб на тебя и пытающегося достать тебя через меня?

– Эта идея принадлежит Элейн? – спросила Шейла.

– Что-то в этом роде.

– Очень на нее похоже, – с горечью заметила Шейла и тут же поинтересовалась: – Опять клянчила деньги?

– Нет. Она обзавелась богатым дружкой.

– Хвала небесам за их крошечные милости, – не скрывая иронии, сказала Шейла. – Посмотрим, смогу ли перечислить своих врагов... Да, конечно. В одной из моих групп есть пятилетний малыш, который меня ненавидит, так как я его поставила в угол на десять минут. Злодей был наказан за то, что довел до слез маленькую девочку. – Она улыбнулась и закончила: – Час, однако, поздний. Моя

голова в тумане. Поэтому сейчас пошли спать, а утро, как известно, вечера мудренее.

Но вот наступило утро обычного рабочего дня, а она казалась озабоченной и подавленной. По морщинкам под глазами Шейлы Деймон мог безошибочно определить, что она плохо спала. Деймон и сам провел отвратительную ночь. Ему снова снился отец с игрушечной лошадкой в руке. Отец, улыбаясь, стоял у мраморной балюстрады и манил сына к себе.

У дверей они еще раз поцеловались – это был долгий поцелуй, – и Шейла сказала:

– Береги себя.

– Естественно, – ответил он, спустился по лестнице и вышел на улицу, где завывал холодный весенний ветер. В другое время Деймон нашел бы эту погоду бодрящей и весьма подходящей для долгой прогулки. Но сегодня он поплотнее закутался в плащ, высоко поднял воротник, прикрыв уши, и быстро зашагал, стараясь сохранить тепло. Люди, которых он встречал на пути, казались ему изможденными и враждебно настроенными, а если их лица и выражали что-либо иное, то в массе своей это было выражение всепоглощающей ненависти и внутреннего убеждения в том, что весь мир или по меньшей мере Нью-Йорк заселен их врагами.

И в конторе было не лучше. Как только Оливер появился на работе, Деймон, закрыв дверь, отделяющую их рабочую комнату от помещения, где находилась мисс Уолтон, резко, почти срываясь на крик, произнес:

– Вот уж не знал, что ты превратился в старую бабу и стал трепать языком по всему городу. Мне казалось, у нас есть договор – то, что происходит в этом офисе, здесь и остается.

– О... – протянул Оливер, – значит, Шейла успела тебе сообщить, что мы вчера встречались за ленчем?

– Естественно. А ты в этом сомневался?

– Послушай, Роджер, – спокойно ответил Оливер, хотя Деймон видел, что он обижен, – твое поведение после возвращения Шейлы из Вермонта весьма озадачило ее, так же, как, впрочем, и меня. Один пистолет, Бог мой, чего стоит! Ты же много лет срываешь голос, требуя принятия закона о контроле за оружием. Я видел твою подпись под десятком обращений к конгрессменам.

– Ну и что... просто я изменил свою позицию, – сказал Деймон по-прежнему чересчур громко. – И вообще это не повод для того, чтобы болтать у меня за спиной.

– Деймон, обсуждение с твоей супругой проблем, не имеющих ни малейшего отношения к агентству, вряд ли можно называть пустым трепом, – возразил Оливер.

– Почему ты уверен, что это не имеет отношения к конторе? Может быть, черт тебя побери, совсем наоборот! – Выпаливая все это, Деймон чувствовал, что не прав, но остановиться не мог. – Поэтому впредь держи свой проклятый язык за зубами.

Оливер повернулся и молча двинулся к своему столу. «Еще одно очко не в мою пользу», – подумал Деймон.

За все утро они больше не сказали друг другу ни единого слова. Деймон лишь делал вид, что трудится, бесцельно перекладывая с места на место бумаги на своем столе. Когда прозвучал звонок из приемной, было уже почти одиннадцать.

– На проводе миссис Деймон, – сообщила мисс Уолтон.

Деймон удивился. Шейла взяла себе за правило не звонить ему на работу, а если и звонила, то делала это около пяти часов, зная, что рабочий день заканчивается. Обычно она просила его что-то купить по дороге домой, а иногда – если находилась вблизи агентства – предлагала поужинать в ресторане или сходить в кино.

– Соедините, – распорядился Деймон.

– Роджер, – начала Шейла без всяких предисловий, – я думала о том, что ты сказал по поводу моих потенциальных врагов.

– Ты имеешь в виду пятилетнего мальчишку, которого поставила в угол? – спросил Деймон. – Неужели дитя становится опасным? – Это была неудачная шутка. И он знал об этом...

– Я счастлива, что ты пребываешь в столь развеселом расположении духа, – раздраженно ответила Шейла. – У меня, увы, иное настроение.

– Извини.

– В прошлом году произошло нечто такое, о чем мне следовало бы помнить. Тогда около школы начал болтаться какой-то мужчина, предлагая детишкам конфеты и спрашивая у малышей, не хотят ли они пойти с ним, чтобы полакомиться мороженым и выпить крем-сода. Некоторые мамы, как тебе известно, приходят за своими детьми довольно поздно, а воспитатели слишком заняты для того, чтобы торчать на улице и ждать, когда эти милые дамы изволят появиться. Мы запрещаем малышам подходить к калитке, но на тех, кому четыре-пять лет, подобные предупреждения действуют слабо. Одним словом, это стало меня беспокоить, и как-то во второй половине дня я, спустившись вниз, сказала этому типу: мне не нравится то, что он слоняется около школы и заговаривает с детьми. На вид этому человеку около пятидесяти лет, и одет он вполне прилично, но тем не менее мне он никакого доверия не внушал. Мужчина притворился оскорбленным, заявил, будто он одинокий пенсионер и обожает детей. И в отличие от меня не видит ничего плохого в том, что ребенок полакомится конфетой.

После этого он стал появляться не так часто, но время от времени я замечала, как он прогуливается около школы незадолго до окончания занятий. Я рассказала обо всем полицейскому, тот этого мужчину предупредил, что арестует его, если хотя бы раз увидит рядом со школой. Через некоторое время я случайно встретила этого типа на улице перед нашим домом. Он посмотрел на меня и сказал: «Сука ты лесбиянская, топай докладывать об этих словах полиции». Я тогда рассмеялась, – продолжала Шейла, вздыхая, – а он ушел. До сегодняшнего утра я об этом не вспоминала. Но только что, разбирая ящик стола, я нашла листок, на котором записана фамилия – ее сообщил мне тот полицейский. Ты хочешь ее узнать? Может, это и не имеет значения, но все же...

– Говори.

– Фамилия Маквейн. Имени я не знаю. Это произошло так давно, и тогда казалось, что невозможно... – Ее голос оборвался, и конец фразы повис в воздухе.

– Все, увы, возможно. Спасибо, Шейл.

– Прости, что помешала тебе работать, но я подумала...

– Ты совершенно права.

– Как с утра дела в агентстве?

– Как по маслу.

– Надеюсь, ты не орал на Оливера? – В ее голосе слышались тревожные нотки.

– Имела место небольшая дискуссия. – Деймон видел, как напряглась спина Оливера. Он знал, что тот догадывается, с кем и о чем идет беседа.

– О боже, – сказала Шейла. – Ну и каша заварилась.

В их беседу неожиданно вмешалась мисс Уолтон.

– Мистер Деймон, на линии вас ждет еще один человек, – сообщила она. – Джентльмен представился как Шултер. Говорит, что звонит по важному делу, но не может ждать, так как находится в уличном телефоне-автомате.

– Шейла, я должен прервать разговор, – сказал Деймон, – не беспокойся, если я сегодня чуть задержусь.

– Чтобы сделать для тебя день более светлым, сообщаю тебе самую свежую новость. Этим утром мой маленький недруг заявил, что очень любит меня.

– Как и весь остальной мир, – ответил Деймон и услышал, что она положила трубку на рычаг.

В его трубке послышался треск – мисс Уолтон возилась со старенькой консолью, переключая босса на другую линию. Затем прозвучал мужской голос:

– Говорит детектив Шултер.

Голос звучал хрипло. Почему-то он напомнил о том, как бывает, когда мозолистой ладонью водят по старой древесной коре.

– Слушаю вас, сэр.

– Миссис Спарман просила меня вам позвонить.

– Кто?

– Элейн Спарман.

– Ах да! – Деймон совсем забыл, что фамилия нынешнего мужа Элейн была Спарман. Для него она по-прежнему оставалась миссис Деймон.

– Я тут неподалеку. В закусочной, что рядом с вами на Шестой авеню. Не могли бы вы заскочить?

– Когда?

– Да прямо сейчас. Мне в вашем районе необходимо потолковать еще с некоторыми личностями, и сделать я это должен до ленча.

– Буду через десять минут. Как я вас узнаю?

– Я буду единственным сыщиком во всем заведении, а на мне написано, что я коп, – рассмеялся Шултер. – Ну хорошо. Я одет в серое пальто, а в руках у меня свежий номер «Уолл-стрит джорнэл».

– Понял и большое спасибо.

– Рано меня благодарить. Пока я для вас ничего не сделал. Увидимся через десять минут.

Деймон некоторое время сидел, глядя перед собой и строя догадки о том, какой зловещий повод мог привести мистера Шултера из Отдела расследования убийств в эту часть города, чтобы потолковать, по его выражению, с «некоторыми личностями». Деймона также интересовало, не явилось ли знакомство Элейн с детективом следствием профессиональной деятельности последнего. «Интересно, каким может быть детектив, читающий «Уолл-стрит джорнэл»?» – задавал себе вопрос Деймон. Наконец он поднялся со стула и, не говоря ни слова Оливеру, вышел в приемную, взял пальто и попросил мисс Уолтон принимать для него все сообщения, добавив при этом, что не знает, когда вернется. Лифт поднимался мучительно долго, и Деймон все давил и давил на кнопку вызова, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Мистер Шултер говорил таким тоном, что было ясно – десять минут есть десять минут. Деймон опасался, что, появившись он через одиннадцать минут, мистера Шултера он уже не застанет.

Но он не опоздал и, войдя в закусочную, сразу увидел плотного мужчину в сером пальто, который сидел за столом один и, потягивая кофе, читал «Уолл-стрит джорнэл».

– Мистер Шултер? – спросил Деймон, останавливаясь у стола.

Шултер поднял голову. Детектив оказался обладателем монументального квадратного подбородка, поросшего синевато-черной щетиной, о которую, видимо, ломались бритвы. У него были крошечные, глубоко посаженные глаза, в которых то и дело возникало выражение недоверия и легкого презрения ко всей человеческой расе. Когда сыщик взглянул на Деймона, тому показалось, что два корабельных орудия обратили стволы на него, чтобы дать залп. «Этому человеку вечно приходится иметь дело с двуличием, и в ответ он привык открывать огонь», – подумал Деймон.

– Присаживайтесь. – Сыщик аккуратно свернул газету и положил рядом с собой. Он не спросил, что хочет выпить или съесть Деймон. Обмен подобными любезностями Шултер, видимо, считал пустой тратой времени. – Миссис Спарман

сообщила, что вам угрожали по телефону, – сказал он. В голосе полицейского звучала такая скука, словно Деймону давным-давно следовало бы знать, что угрожают не только ему, драгоценному, но и всем остальным обитающим на земле людям и что это заурядное явление, на которое, как и на погоду, повлиять крайне сложно. – Она передала мне суть того, что сказала вам по телефону эта личность. Зацепиться почти не за что, если, конечно, у вас нет соображений о том, кто мог звонить в такое время.

– Итак, – начал Деймон, – я литературный агент и...

Мистер Шултер кивнул, а стволы в оружейной башне нацелились прямо на Деймона.

– Миссис Спарман все объяснила насчет вашей работы.

– Мне удалось прокрутить одно весьма прибыльное дело с книгой прежде неизвестного автора. В издательских кругах это наделало много шума, пришлось дать несколько интервью, мои фотографии появились в газетах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/irvin-shou/dopustimye-poteri>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)